

Поднок, ты будешь думать, что меня больше нет... Книга 2

Автор:

[Екатерина Юдина](#)

Поднок, ты будешь думать, что меня больше нет... Книга 2

Екатерина Юдина

Рука этого человека легла на мою поясницу и скользнула вниз. Движения жесткие, грубые и какие-то резкие. Когда Его ладонь скользнула под мое платье, я поняла, что этот поднок, судя по всему, уже сейчас решил приступить к тому, из-за чего я ему была нужна. Для него я лишь личная игрушка для постели. Как же сильно я его ненавижу.

Содержит нецензурную брань.

Екатерина Юдина

Поднок, ты будешь думать, что меня больше нет... Книга 2

Глава 1

На улице было темно и холодно. Моросил неприятный дождь, дул сильный ветер, распространяя по округе звук шуршащих листьев, и мокрый тротуар освещал лишь тусклый свет фонарей. Слишком безлюдно и от этого как-то мрачно.

Не собираясь тратить время на то, чтобы огибать лужи, я бежала по ним. Кроссовки мгновенно промокли, но хуже было то, что я изначально недооценила боль в коленях. Сразу посчитала ее незначительной, но позже ощутила, что жжение в ногах с каждым мгновением все сильнее усугублялось и, уже вскоре, мой бег превратился в адские пытки. Такое невозможно вытерпеть.

Паршивая из меня беглянка. Я смогла отбежать от дома Медичи только на несколько кварталов, после чего свернула в какой-то сквер и упала на мокрую скамейку, начиная дрожащими пальцами массажировать колени. Я даже всерьез задумалась над тем, чтобы снять джинсы и как-нибудь иначе перевязать бинты. Может хоть это могло унять боль...

Тяжелое дыхание, дрожь в теле и звон паники в ушах. Мой побег только начался, а я уже столкнулась с первыми ощутимыми проблемами. Хотя куда более неприятным являлось отсутствие документов и денег. Черт его знает, что мне без них делать.

– Успокойся, Ромола. Ты справишься, – тихо прошептала самой себе. Правда, утешение было так себе. Свою решительность я подпитывала только за счет желания наконец-то избежать всей этой ситуации, чтобы оказаться подальше от Медичи и прошлого сестры.

Несмотря на боль, нужно было бежать дальше, но прежде чем встать со скамейки, я попыталась собраться с силами. Села ровно, сделала несколько глубоких вдохов и запрокинула голову, подставляя лицо прохладным каплям дождя, но чуть не закричала, увидев склоненную надо мной мужскую фигуру. Я чуть в голос не выругалась, поняв, что это был Батиста. А я и не заметила того, как он подошел ко мне со спины и теперь стоял позади скамейки, упираясь руками о деревянную спинку.

– Далеко собралась? – поинтересовался он, прожигая меня своим ледяным взглядом. Дыхание было немного сбитым, а, значит, он бегал пока искал меня.

Моя реакция была запоздалой. Проигнорировав вопрос Батисты, я подскочила со скамейки и собралась уже бежать прочь, но мой преследователь тут же сжал ладонь на моем плече и резко потянул руку назад, заставляя меня опять упасть на скамейку.

– Отпусти, – громко зашипела. Батиста не делал мне больно, но крепко держал на одном месте.

– Ты вообще с головой не дружишь? – поинтересовался он, продолжая стоять за моей спиной. – Считаешь, что сможешь убежать?

– Я считаю, что у вас нет права относиться ко мне так. Я живой человек и у вас в рабстве не состою. Поэтому имею право идти, куда мне вздумается!

Неожиданно Батиста убрал руку от плеча, но тут же сжал ладонями мою талию и заставил меня встать коленями на скамейку. Уже теперь я была к нему лицом и более отчетливо видела, как по безэмоциональному лицу парня спускались капли дождя.

– Попытаешься убежать и тебя все равно найдут, – сказал он, смотря мне прямо в глаза.

– И что? Я должна смириться с тем, что происходит? – я вцепилась пальцами в его плечи. Наверное, со стороны мы выглядели словно влюбленная пара, которая была готова вот-вот набросится друг на друга, желая утолить страсть в жарких объятиях и ненасытном поцелуе, но, на самом деле, я ощущала, как от Батисты исходило нечто ужасающее и он явно ощущал мою нервозность. Мы стояли настолько близко, что я практически ощущала его горячее дыхание на своей замерзшей коже, но, в тот же момент мне казалось, что у нас было обоюдным желание больше никогда не видеть лиц друг друга.

Прошла секунда, а потом вторая и третья, после чего время слилось и превратилось в сплошной, слишком затянутый отрывок, во время которого мы молчали, но продолжали сверлить друг друга взглядами. Я все размышляла, как мне унести отсюда ноги и совершенно не думала о том, что творилось в голове Батисты. Зря. Я ведь даже пискнуть не успела, когда он завалил меня на скамейку, заставив грудью прижаться к мокрому дереву.

– Помогите!.. – я закричала во весь голос. Хотела так же прокричать о том, что меня насилуют и убивают, но парень сразу же вставил мне в рот кляп, которым, кажется, послужил его галстук.

В следующее мгновение Батиста сцепил мои руки и перевязал их своим ремнем. Слишком туго, но опять-таки, боли практически не было. Этот человек вообще действовал слишком быстро и без малейшего промаха. Например, сейчас могло показаться, что он чуть ли не каждый день связывал девушек в безлюдных парках. Хотя, может так и было. Мало ли чем занимался этот мрачный тип в свое свободное время.

Сначала Батиста взял меня на руки, но поскольку я очень сильно вырывалась, уже вскоре он перекинул меня на плечо. Его машина находилась в нескольких кварталах от сквера, но поскольку улицы были безлюдными, Батиста без проблем донес меня к ней, после чего открыл дверцу и положил меня на заднее сиденье. Сам он сел за руль и довольно резко отъехал от тротуара.

Изначально мне казалось, что Батиста отвезет меня к Медичи. Думала, что сейчас мою тайну раскроют перед Винченсо, вследствие чего со мной уже будет разбираться Громадина, но, нет, мои предположения оказались неверными. К дому Медичи нужно было ехать не больше минуты, а мы находились в пути намного больше. Значит, Батиста вез меня в другое место.

Сейчас фантазия у меня была бурной, а нервы воспаленными, поэтому не странно, что в голове сразу возникло множество предположений того, куда меня мог везти Батиста. Правда, каждый вариант был хуже и мрачнее предыдущего. Я бы даже сказала, что кошмарнее. Из-за этого в голове начала разрастаться паника и горло сдавило от страха. От Батисты можно было ожидать всего, чего угодно. Тем более, помнится, он намеревался меня убить или рассказать обо мне Винченсо. Изначально он выбрал второй вариант, но, вдруг Батиста внезапно решил, что первый куда лучше и логичнее?

Я замычала и еще сильнее затрепыхалась, когда машина остановилась, но, как только парень вынес меня на улицу, я несколько раз удивленно моргнула. Я уже стала ожидать, что Батиста привезет меня на какую-нибудь безлюдную местность, чтобы там, без лишних свидетелей, скрутить мне шею, но, нет, по какой-то причине он привез меня к своему дому. Правда, радоваться было рано, ведь, после того, как Батиста поднял меня по пожарной лестнице и занес в свою квартиру, сразу отнес на кухню. Там он развязал мои руки, но лишь для того, чтобы уже вскоре привязать их к батарее.

Не в состоянии выплюнуть кляп со рта, я мычала и дергала за ремень. Батиста же сел на кухонный стол, достал сигарету и подкурил ее, сразу делая глубокую

тягу. Мы все еще были мокрыми, но ни я, ни он явно не ощущали прохлады. Тем более, от того, как на меня смотрел парень, моя кожа покалывала. Ох и нехорошее же у меня было предчувствие.

- Ты выросла, Ромола, - наконец-то сказал Батиста, потушив сигарету о стеклянную поверхность стола. - Только ума не прибавилось.

Спрыгнув со стола, он подошел ко мне и присел на корточки.

- Планы поменялись. Нельзя чтобы Винченсо узнал, что ты жива, - парень говорил ровно и сухо. Я тут же замычала и, как только Батиста вытащил у меня со рта кляп, спросила:

- Почему? - мне действительно было интересно, что могло поменяться за столь короткий отрывок времени. Это моя попытка бегства изменила планы парня? Или причиной этому было нечто другое? Я почему-то вспомнила про невесту Медичи. Та светловолосая девушка сообщила Батисте про помолвку. Значит, ранее он о ней не знал и, скорее всего, именно она стала причиной резкой смены планов. Во всяком случае, пока что я другого объяснения найти не могла.

- Потому, что, если Винченсо узнает об этом, у всех будут огромные проблемы, - Батиста вообще ничего не прояснил своим ответом, поэтому я нахмурилась, но все же решила задать другой, более важный для меня вопрос:

- И что теперь? Ты меня убьешь? - спросила бесстрашно, но внутри меня все так и покалывало от нервов. Будучи беззащитной девушкой, которую привязали к трубе, трудно быть уверенной в сохранности собственной жизни.

- Нет, не убью. Хоть мне и хочется это сделать.

- В таком случае, что ты сделаешь? Отпустишь меня? - спросила с надеждой в голосе.

- Нет, если отпущу, тебя тут же словят и приведут обратно к Винченсо. Ты же бестолковая и глупая, как мокрица, - Батиста отрицательно покачал головой. - И ты, случайно не забыла, что в данный момент ты товар? Обыкновенная шлюха, которую Винченсо купил на неделю для развлечений?

– А это сейчас имеет значение? – я ненадолго притихла. О тех неприятностях, в которые влезла моя сестра, мне сейчас думать не хотелось, но я все же помнила о них. Правда, считала куда более весомой опасностью Медичи и мне было непонятно почему Батиста сейчас вспомнил о том, что Фелису, а теперь уже меня, продают.

Парень не стал меня развязывать. Он подкурил очередную сигарету и отошел обратно к столу, после чего, в нескольких словах объяснил, что организации, которые торгуют девушками, то есть, занимаются проституцией, неприкосновенны для полиции и мафии по той причине, что они обеим сторонам приносит прибыль. И, в таком случае, продажа девушек становится вне всякого закона.

Наверное, тут и говорить не стоит о том, что девушки при таких условиях принадлежали организации, как самые настоящие рабыни, ведь сами соучредители подобных «контор» в свое время нашли лазейки, с помощью которых они давили на девушек. Может, они становились должницами колоссальных сумм, а, может, существовали и другие способы влияния на них.

Я не знала как Фелиса попала в эту сеть и что она была должна организации, но факт оставался в том, что у нее был хозяин. Вернее, он теперь был у меня. Я не знала, кем являлся этот человек, но Батиста сказал, что Винченсо выкупил меня у него на неделю. То есть, после выходных, в этот понедельник, я должна была вновь вернуться к этому хозяину.

– Сомневаюсь, что Винченсо вернет тебя ему. Скорее, выкупит, но, естественно, для нас подобное нежелательно, – сухо объяснил Батиста, выдыхая из губ рванное облако дыма.

Так же он сказал, что ранее не интересовался этой темой, но слышал, что мной заинтересовалось еще несколько мужчин. Это Батисте было известно лишь по той причине, что он порой занимался переводами денег Винченсо и, когда Медичи сказал своему другу снять со счета весьма внушительную сумму, в недолгом разговоре было затронуто то, что Винченсо перекупил меня. Кто-то другой хотел купить "Фелису" на пару ночей, но Медичи заплатил больше денег и получил свою игрушку.

Всей этой информацией Батиста подчеркивал, что меня можно выкупить, несмотря на то, что Винченсо первым выказал желание сделать это.

– И? Ты хочешь меня выкупить? – сделала я логичный, но непонятный для себя вывод. Батисте я недоверяла. Скорее бы поверила в то, что он убьет меня, чем поможет.

– Я хочу, чтобы ты исчезла, – парень уже докурил сигарету и вновь потушил сигарету о стол.

Прожигая меня своим ледяным взглядом, Батиста сказал, что если я просто так убегу, меня будет искать не только Медичи, но и мой "хозяин". Если же действовать по правилам и просто выкупить, организация не выдаст Винченсо своих клиентов и не скажет, в каком направлении и, главное, с кем, я испарилась.

У Батисты был придуман план на быструю руку. В принципе, не плохой, но и тут были свои загвоздки. Например то, что организация вряд захочет идти против Винченсо Медичи и перепродавать кому-нибудь другому ту, на которую он так явно настроен. Да и, как сказал Батиста, лично у него не было столько денег (на этом моменте я поняла, почему та организация будет искать меня в случае побега. Батиста парень не бедный и, раз у него не хватает денег на покупку девушки, значит там требуют весьма приличные суммы).

– Раз тот, кто меня продает не может отказать Винченсо, какой смысл в твоих словах? – я все еще относилась к Батисте с острым недоверием.

– Нужен человек богаче и влиятельнее Винченсо. Я лично знаком с двумя такими людьми. Первый это Адриано Медичи, но к нему с такой просьбой лучше не обращаться.

– А кто второй?

– Мой отец, – ответил Батиста.

Его отца я ни разу не видела и мало слышала о нем, поэтому сразу пришла в нервное недоумение. Навряд консильери босса Коза Ностры захочет тратить

свое время на нечто подобное, но Батиста сказал, что этим утром направится в Сицилию и поговорит со своим отцом. Если он поможет, мои проблемы в миг решатся. Правда, Батиста не сказал, что будет, если его отец решит, что я не нужна. Я как-то слышала, что человек он крайне суровый и очень страшный. Но, да, пока Винченсо был подручным, отец Батисты являлся на одну ступень выше него.

– Винченсо завтра в обед уезжает. Я сказал, что ты болеешь, поэтому вплоть до понедельника ты будешь сидеть в хостеле и делать вид, что тебе очень плохо, – сказал Батиста. – За тобой будут следить люди Винченсо, поэтому делай все, лишь бы у него не возникло никакого желания взять тебя с собой. Я же вернусь в воскресенье вечером. Если все будет хорошо, в понедельник ты исчезнешь.

Я могла не изображать, что мне плохо, ведь мне на самом деле было паршивей некуда.

Батиста отвез меня обратно в хостел и, несмотря на то, что доверия к этому парню у меня все еще не было, я решила, что у меня не было другого выбора, кроме как опять утихомирить свой пыл и, как минимум, до вечера воскресенья, плыть по течению.

Уставшая и обезсиленная, я приняла душ, помыла волосы и даже поровняла их, после чего поплелась в свою комнату. У меня уже не было сил для того, чтобы искать одежду для сна, поэтому я завалилась в кровать голая. Укуталась одеялом и заснула.

Спала я крепко, но беспокойно. Зато, когда проснулась, к своему удивлению, заметила, что колени почти не болели. Сначала, я просто подвигала ногами, чтобы это проверить и, когда движения не принесли мне болезненных ощущений, я заулыбалась и потянулась на кровати. Так приятно просто не ощущать боли! Наслаждаясь этим, я поворочалась на смятой простыне и обняла одеяло, из-за чего у меня оголились бедра и грудь.

Запах сигаретного дыма я уловила не сразу. Точно так же, я далеко не в первое мгновение ощутила, что в комнате находилась не одна. Зато, я уже вскоре почувствовала на себе взгляд, который буквально прожигал кожу и превращал

ее в пепел. Странно, но, оказывается, может быть больно лишь от того, что на тебя смотрит другой человек. Страшный и весьма жуткий человек.

Очень медленно, словно находясь перед кровожадным зверем, я обернулась и увидела Винченсо. Он стоял около подоконника и курил, продолжая скользить взглядом по оголившимся участкам моего тела. И теперь, в его черных зрачках я видела нечто бесноватое и крайне агрессивное. Он смотрел на меня, словно очень голодный зверь на кусок аппетитного мяса.

– Батиста сказал, что ты заболела, – сказал он очень хрипло. Взгляд Медичи как раз скользнул по моей груди и мне показалось, что голод, видневшийся в глазах парня, возрос, достигая крайней точки. – Но я вижу, что тебе уже лучше.

Я тут же прикрылась одеялом, так, что теперь была видна только голова. Я прекрасно заметила огромный бугор в его штанах, ясно говорящий о том, насколько сильно у Винченсо стоял. Но, несмотря на возникший страх, я попыталась себя успокоить. Им кодекс чести запрещал изменять женам, а у Винченсо теперь была невеста.

Правда, я не учла одного – невеста, это еще не жена.

Глава 2

В последнее время, я стала замечать за собой странные мысли, в которых, против своей воли, сравнивала прошлое и теперешнее. Как же сильно все изменилось и насколько трудно было свыкнуться с этими переменами.

Я прекрасно помнила то, что чувствовала к Медичи лишь год назад. Наверное, среди всех моих эмоций преобладало именно раздражение. Стоило мне увидеть Винченсо, как я тут же хмурилась и заранее мысленно готовила колкие слова, которые намеревалась выказать на очередное его оскорбление. Мы были словно кошка с собакой. Только он громоздкий ротвейлер, а я нечто дворовое и беспородное.

Наверное, мне следовало бы опасаться такое агрессивное чудовище, как Медичи. Я же прекрасно знала кто он и на что способен. Замечала дикую бесноватость в его глазах и лично видела на что способен этот человек, хотя, те его поступки, которым я стала случайной свидетельницей, являлись сущей мелочью по сравнению с тем, что я периодически слышала о Медичи. Порой, о нем ходили действительно страшные слухи.

Но, все равно, находясь рядом с ним, я не ощущала тревожной опасности, исходящей от человека, который хочет уничтожить, или растерзать. Я видела, что из-за некоторых моих поступков Винченсо неистово злился и был на грани потери самоконтроля, благодаря чему становился похожим на сущего дьявола с пылающими от гнева глазами. Но, мне все равно казалось, что Медичи даже в таком состоянии меня не тронет и грубой силы не применит. Из-за этого я обрела такую пагубную черту, как беспечность. Вот только, уже сейчас она довольно быстро стала таять, постепенно исчезая из моей головы. А все потому, что Медичи изменился. Винченсо когда-то подарил мне эту беспечность и он же ее отнял, уже сейчас показывая, что за любой поступок или слово, я могу быть уничтожена им. А это уже повлекло изменения во мне.

Теперь, Винченсо вызывал у меня совершенно другие эмоции, нежели год назад. Гнев, ненависть, злость... Сильные и жгучие эмоции пожирали изнутри, но, сколько я бы не храбрилась и насколько бы сильной не пыталась выглядеть, отдаленно ощущала, как глубоко в сознании засел страх. Неприятно горький, болезненно колкий и, до дрожи в пальцах, тревожный. Каждый раз, когда Медичи оказывался рядом, я ощущала, как внутренний страх сжимал мне горло и прокалывал сердце длинной иглой, давая понять, что уже теперь, теряя самоконтроль, этот парень не будет сдерживаться. Разорвет на куски и глазом не моргнет.

Медичи стал бездушной тварью и даже сейчас, находясь с ним в одной комнате и чувствуя на себе его взгляд, помимо уже хорошо знакомой бури жгучих эмоций, я ощущала страх. Более того, я не знала почему, но сегодня он был в разы сильнее, словно я на интуитивном уровне заранее чувствовала, что в этот день произойдет нечто страшное. Будто сразу поняла, что сегодня Медичи перешагнет последнюю грань.

– Нет, я все еще чувствую себя очень плохо, – пробормотала, продолжая кутаться в одеяло. Из-за неожиданности я растерялась, но все же попыталась несколько раз покашлять и говорить тише, словно я действительно болела.

– Неужели? – Медичи склонил голову набок и поднес к губам сигарету, делая неспешную, но глубокую тягу.

Было прекрасно видно, что на мой спектакль он не повелся и в мои слова не поверил. Выдохнув дым, Винченсо прищурил взгляд, с раздражением оглядывая одеяло, словно оно стало неимоверно сильно раздражать Медичи.

– Одеяло убери, – тут же прозвучал приказ. Голос ровный, но с ощутимой жесткостью и утяжеленный грубой хрипотцой.

– Нет. У меня температура. Мне будет холодно, – я покачала головой, сильнее цепляясь пальцами за ткань, скрывающую мою наготу.

– Не переживай, Фелиса, я сейчас тебя отопрею, – а уже эти слова прозвучали, как жуткая угроза. Возникшая ситуация нравилась мне все меньше и меньше.

– Мне и так хорошо, – качнула головой. – У тебя же есть невеста. Зачем ты пришел сюда?.. – мне действительно было непонятно, почему имея такую необычайно красивую девушку в качестве будущей жены, Винченсо явился ко мне с явными неоднозначными намерениями. Тем более, измены женам в их кругах не приветствовались. Они карались. Так неужели секс для Винченсо был сопоставим с риском смерти? Правда, опять-таки, я не сразу учла, что невеста это еще не жена. Хотя... имело ли это значение?

– Рот закрой и убери одеяло, – Медичи даже не дал мне закончить свой вопрос. Он вышвырнул окурок в открытое окно и пальцем ослабил галстук. – Пока я снимаю рубашку, у тебя есть время подумать и выбрать для себя более приемлемый вариант: быть выебанной более или менее болезненно.

Говоря эти слова, Винченсо начал расстегивать пуговицы на рубашке и мне показалось, что он делал это слишком быстро, хотя ничего торопливого в действиях парня не было. Да, имелась резкость, которая возникала у человека, который устал ждать и теперь, несмотря ни на что, собирался получить желаемое. Во всем остальном Винченсо имел вид хищника уже загнавшего свою жертву в ловушку. Да, сожрать ее хочется и хищник обязательно это сделает, но жертва уже никуда не денется, поэтому смысла в лишних движениях. Да и не присущи они Медичи.

– Если хочешь, чтобы я причинил тебе меньше боли, убери одеяло и встань на четвереньки ближе к краю кровати. Прогнись в спине. Покажи, как ты умеешь обращаться со своей гибкостью и сделай так, чтобы мне понравилось, – Медичи закончил расстегивать пуговицы на рубашке и теперь ее края скользнули в стороны открывая вид на рельефный торс и напряженные, будто и вовсе стальные мышцы. – Если же хочешь узнать насколько сильно болезненным будет секс – продолжай мне сопротивляться. Я с удовольствием проведу тебя через все круги Ада. Не думай, что мне хочется церемониться со шлюхой. Особенно с тобой, Фелиса.

На этом моменте Медичи снял с себя рубашку и небрежно отбросил ее в сторону, после чего посмотрел на меня жестким взглядом и спросил:

– Что же ты выбираешь?

Сразу я на вопрос не ответила, ведь моя голова работала слишком заторможено. С одной стороны, страх замедлял ход мыслей, заставляя сердце стучать слишком быстро и этим истощным биением он будто намекал, что сопротивлением я подпишу себе смертельный приговор. Но, с другой стороны, я понимала, что, если соглашусь быть покладистой, никогда себе этого не прощу. Если меня сломать морально, пагубные последствия я почувствую и на физическом уровне.

Да и как за столь короткий отрывок времени, который мне дал Винченсо для размышлений, можно перебороть себя? Уничтожить гордость и отдать себя тому, кого ненавидишь? Чтобы он попользовался телом, поставив на нем клеймо шлюхи? Никак. Это невозможно. Поэтому, я тут же начала лихорадочно оглядываться по сторонам в надежде найти путь к бегству. Я даже приподнялась на кровати и попыталась спрыгнуть на пол, в надежде добежать до двери, но Винченсо заметил мои движения. Очень быстро он сократил расстояние и сомкнул массивную ладонь на предплечье, после чего швырнул меня обратно на кровать. Я отлетела в сторону и ударилась макушкой о деревянное изголовье.

– Ты сама сделала выбор, – Медичи оскалился. Мои действия он принял, как ответ на свой вопрос. Это и не странно. Наверяд ли попытку к бегству можно принять за согласие быть покладистой.

– Подожди! – я выставила руку вперед в защитном жесте. Жаль только из-за этого одеяло немного сползло, частично оголяя грудь, которая тут же привлекла к себе острый взгляд Винченсо. С его губ сорвался гортанный рык.

Матрас сильно прогнулся от того, что Медичи встал на него одним коленом и, прежде, чем я успела хоть что-нибудь сделать, парень за лодыжку подтянул меня к краю кровати.

– Подожди! Давай договоримся, – я забормотала, пытаюсь опять отползти подальше. – Я не хочу, чтобы ты делал мне больно. Давай... Давай я сделаю это ртом. Как и в прошлые разы, – с моих губ сорвались лихорадочные слова, когда Медичи перевернул меня на спину и резким движением поставил на четвереньки.

Я все еще не сломала себя и не собиралась по собственной воле вставать перед Винченсо на колени, чтобы приоткрыть губы и теперь уже без принуждения или наркотиков взять в рот. Но я надеялась, что своими словами смогу отвлечь Винченсо. Для этого я выбрала плохую причину, но голова и так плохо соображала, а мне главным было хотя бы ненадолго замедлить Медичи. Я верила, что смогу что-нибудь придумать, если у меня появится немного времени на размышления.

– Ты это обязательно сделаешь, но позже, – слова полные уверенности.

Я вздрогнула, когда Винченсо сдернул с меня одеяло. Быть полностью обнаженной перед ним – настоящая пытка, которая, несмотря на ситуацию, имела в себе смущение и желание прикрыться. Слишком странно на меня влиял его взгляд, который я чуть ли не физически ощущала на себе. Все же он жег и превращал тело в пепел. Правда, сейчас все же преобладало желание остановить Медичи, поэтому я попыталась вырваться и ударить его ногой, но у меня ничего не получилось.

Винченсо сжал пальцы на моей попе и притянул к себе ближе. Его ладони причиняли сильную боль, но так же от них по телу бежали импульсы, будоража сознание.

– Медичи... – я прошипела, продолжая вырываться, но уже вскоре взвыла, получая слишком сильный шлепок по попе. Это невыносимо. Я в жизни не

ощущала такой невыносимой боли.

– Молчи. Ты мне нужна не для разговоров, – Винченсо сжал мои волосы в ладони и намотал их на кулак. Сильно дернул и заставил приподнять голову. – Твое дело раздвигать ноги, когда я захочу. И делать это ты должна молча.

Я до боли прикусила язык, уже вскоре ощущая привкус крови во рту. В этот момент вспомнила, как Винченсо пытался изнасиловать меня в день моего восемнадцатилетия. Тогда, насильно относя меня в свою спальню, он так же назвал меня шлюхой, которой он хочет попользоваться. Говорил, что только для этого я и пригожусь.

Меня затрясло от этих воспоминаний, ненависти к Медичи и ощущения собственной беспомощности.

Этой ночью Батиста сказал, чтобы я ни в коем случае не говорила Винченсо кто я такая. Не раскрывала перед ним свою тайну. Иначе, Батиста обещал, что не только больше не будет мне помогать, но и сделает все, лишь бы я не принесла Медичи проблем. По этой причине он скрыл ту папку с результатами обхода врачей, намереваясь уже вскоре дать мне возможность убежать.

Но разве сейчас это было так важно? Сейчас я была готова на все, лишь бы остановить Медичи. Раскрыть себя и наконец-то сказать ему все, что думала. Вот только, правда порой может показаться ложью и вызвать еще больше гнева агрессивного чудовища.

Глава 3

Глубокий вдох и шумный выдох. Я опустила голову и мысленно выругалась, в очередной раз, до крови прикусывая кончик языка. Насильно поставленная на колени, полностью обнаженная и совершенно беззащитная перед Медичи, словно кукла в руках бездушного кукловода.

Внутри неистово буйствовали воронки из липких, неприятных ощущений собственной никчемности и уязвимости. Сводит с ума и разрушает сознание то, что ты, элементарно, не можешь защитить свое тело от того, кого ненавидишь всей душой настолько сильно, что хочешь собственными руками вырвать его сердце. Все это подводит к грани. Заставляет переступить через прежние взгляды и цели. Перечеркнуть все и пойти по новой, неизвестной мне дороге. Я знала, что она будет опасной. Заполненной дремуими лесами и заросшей колючими кустарниками. Но, черт, лучше изранить тело острыми шипами, имея хоть какую-то надежду выбраться из вязкого болота, чем продолжать весь этот цирк.

Очередной вдох и такой тяжелый выдох. Собрав волю в кулак, я намерилась сказать Медичи о том, что не являюсь Фелисой. И будь что будет. Мне все равно. Даже на угрозу Батисты плевать. Винченсо все равно меня сейчас возьмет. Увидит кровь и поймет, что девственница. А так у меня был хоть какой-то шанс остановить Медичи. Думаю, у нас найдется, о чем поговорить.

– Винченсо... – сказала, опять поднимая голову, но следующие слова застряли в горле и вместо них с губ сорвался болезненный стон.

– Я уже сказал, чтобы ты молчала, – Медичи вновь шлепнул меня по попе. Намного сильнее, чем в первый раз. Кожу тут же обожгло и боль пульсирующей волной прошла по всему телу, достигая кончиков пальцев на руках и ногах. Мне пришлось на несколько секунд до скрежета сжать зубы, чтобы перетерпеть эту боль.

– Прекрати! Нам нужно поговорить! – уже закричала, после того, как жжение на коже уменьшилось.

Винченсо и на этот раз шлепнул, вновь увеличивая силу и, вместе с этим, болезненные ощущения. Я поняла, что ошибалась, когда в прошлый раз решила, что больнее быть не может. Еще как может. Я не сдержалась и взвыла.

Медичи сжил пальцы на моих бедрах и притянул ближе к краю кровати, из-за чего я попой уперлась в его ширинку и тут же почувствовала воспаленной кожей эрегированный член, скрытый тканью брюк. От этого сердце пропустило удар и дыхание сбилось.

Я дернулась. Хотела отодвинуться вперед и у меня даже немного получилось это сделать, но Винченсо, продолжая одной ладонью сжимать бедро, вторую положил на мое плечо и резким рывком потянул меня назад. В этом неоднозначном, пошлом движении мои бедра вновь столкнулись с бугром в его штанах и я услышала рык, сорвавшийся с его губ.

Нервы полоснуло острием ножа и по коже побежали колкие мурашки, когда я услышала звук расстегивающегося ремня. Он стал для меня подгоняющим лязгом плети. Тем, что ясно говорило – если прямо сейчас не скажешь Медичи о том, что ты Ромола и этим не отвлечешь его, Винченсо уже скоро поймет тебя. И тебе будет больно. Очень больно.

Я только открыла рот, немного поворачивая голову вбок, чтобы хотя бы частично видеть Медичи, как тут же уловила краем глаза движение – Винченсо достал из кармана презерватив и небрежно порвал упаковку, сжав один краешек зубами.

Черт, как же быстро все это происходило! Я даже не сумела понять, в какой момент Медичи успел расстегнуть ширинку на своих штанах. Зато, теперь, после того, как сильнее повернула голову и немного опустила взгляд, я увидела его член, на которой Винченсо натягивал презерватив.

Нервы зашалили в сто раз сильнее и я несколько раз моргнула, пытаюсь собрать свои мысли в кучу. На самом деле, не так уж и просто признаться Медичи в том, что я не Фелиса. Для этого нужно было время. Хотя бы для того, чтобы с каких-нибудь убедительных слов начать разговор и элементарно рассказать про страховку. Вот только, у меня не было этого времени.

В следующее мгновение я ощутила невероятно горячую головку, упирающуюся в мое лоно. От этого тело вспыхнуло, словно в него ударило миллиардом разрядов тока. Щеки начали пылать и в эту же секунду стало невыносимо душно. Понимая, что вот-вот это произойдет, я не сдержалась. Сделала глубокий вдох и выкрикнула самое важное:

– Винченсо, подожди! Нам нужно поговорить! – закричала в очередной раз. – Поговорить! Я не Фелиса! Ты меня слышишь? Я не Фелиса, а Ромола.

Выкрикнув эти слова, я почувствовала себя необычайно глупо. Самой себе мысленно дала пощечину и поинтересовалась: «Серьезно? «Я не Фелиса! Я

Ромола!»? Более идиотских слов для признания этого факта не нашлось?». После этого так же самой себе язвительно ответила, что, нет, не нашлось. Всего лишь пять минут назад я не собиралась ничего говорить Медичи и заранее не готовила высокую речь. А когда тебя собираются вот-вот изнасиловать, как-то трудно придумать нормальные слова.

– Что ты сказала? Повтори, – к моему удивлению, Медичи тут же остановился. Я так обрадовалась этому, что даже не заметила с каким холодом и плещущейся в ней тихой яростью, Винченсо просил меня повторить те слова.

– Я понимаю, что это звучит дико, но я не Фелиса. Я Ромола.

Утихомирив свою вспыльчивость и стараясь не думать о том, что Медичи только что чуть не изнасиловал меня в очередной раз, я собиралась с ним спокойно поговорить. Да и я сейчас больше ощущала облегчение от того, что мне удалось остановить Медичи.

– В тот день при пожаре сгорела Фелиса, – начала я объяснять. Медичи отпустил меня и я тут же села на кровати, прикрываясь одеялом. – Я живу под ее именем, но на это есть причины.

– Вот как? – Винченсо снял презерватив, выкинул его в мусорное ведро и спрятал все еще стоящий член в штаны.

– Да, все дело в стра... – договорить я не успела. Медичи схватил меня за предплечье и сдернул с кровати, так что я вместе с одеялом полетела вниз. Ударилась локтем и боком, но на боль внимания не обратила. Растерянная я попыталась встать на ноги, совершенно не понимая, почему Винченсо это сделал.

– В тебе столько наглости и глупости, что мне хочется свернуть тебе шею, – уже на этот раз я более чем отчетливо расслышала ярость в голосе парня. Увидела, как пылали его глаза от гнева и какого-то ненормального бешенства.

Ладонь Медичи сжалась на моей шее, сдавливая горло. Я издала хрип, но больше не смогла сделать ни вдоха. Ловила воздух губами, но не была в состоянии наполнить им легкие. Винченсо понимал, что я задыхалась, но ему явно было плевать на это.

– Когда ты первый раз притворилась ею, я посчитал тебя дурой. Даже немного жаль тебя стало, – несмотря на ярость в глазах, Медичи говорил ровно. Ложное спокойствие, от которого вело дикой опасностью. – Ты тогда еще волосы накрутила, надела ее одежду и пришла ко мне, когда я был мертвецки пьяным. Помнишь?

Я захрипела, непонимающе округливая глаза. Я не могла произнести ни слова, но Медичи, судя по всему, в моем ответе не нуждался. Гнев в его глазах полыхнул отчетливее и он сильнее сжал мое горло. Теперь не только перекрывая доступ к воздуху, но и причиняя адскую боль.

– Ты предложила себя. Сказала, что сама этого хочешь. Притворяясь ею, ты отдала себя мне. И я взял тебя, Фелиса. Забрал твою девственность.

– Отпх... – я вновь захрипела. Воздуха уже катастрофически не хватало и я начинала панически вырываться, понимая, что вот-вот задохнусь. Но слова Медичи все же врезались в сознание и даже сквозь панику оставили там огромный вопросительный знак.

– Меня тогда трясло, так сильно я хотел тебя. Вернее я хотел ту, под видом которой ты пришла, – Медичи оскалился. Вздернул меня вверх, так, то теперь я до пола доставала лишь носочками. – Но трахая тебя, я кончил лишь потому, что ты похожа на нее. Это все равно, что желать выпить хорошего виски, но открывая бутылку, наливаешь в стакан дешевое пойло. Ты ни о чем.

Он отшвырнул меня в сторону кровати, но до нее я не долетела. Упала около ветхого стула и тут же завозилась на полу, начиная ладонью потирать шею и часто дышать. Медичи в этот момент резко развернулся, схватил кресло за подлокотник и швырнул его, из-за чего несчастный предмет мебели отлетел и чуть не разбился о стену.

– Всякий раз, когда ты притворялась ею, подражая в мелочах, я сдерживал свое желание убить тебя, только потому, что ты ее сестра.

Казалось, что Винченсо сжирала эта ярость. Не только мои слова, но и те события, о которых он говорил, сейчас сорвали его самоконтроль. Превратили в какую-то разъяренную тварь, жаждущую крови. Моей крови.

– У тебя явно не все в порядке с головой, но сейчас ты вообще переступаешь через грань. Своими мерзкими руками касаешься того, то для меня дорого, – Медичи подошел ближе и теперь возвышался надо мной. Он прищурил взгляд, после чего жестко произнес, слова, в которых я уловила грубую горечь. – Ромола мертва. Ее больше нет.

– Слушай, я не знала, что такое происходило между тобой и Фелисой... – я произнесла эти слова очень хрипло. Горло болело так, что каждое слово давалось с трудом.

– Все еще продолжаешь утверждать, что ты Ромола? – Медичи склонил голову набок, всматриваясь в мое лицо своим диким, пугающим взглядом.

– Продолжаю. Потому, что я и есть Ромола, – кивнула, вынужденно замолкая. Горло засадило и я закашлялась, не в силах больше произнести ни слова.

Медичи какое-то время смотрел на меня, а потом вновь оскалился. Но на этот раз более жутко. Агрессивно. В этот самый момент мне было страшно смотреть на него. То, что происходило с Винченсо сложно объяснить словами. Будто его накрыло сумасшествием и бесноватостью. Зрачки сузились, глаз дернулся и на губах появилась ужасающая улыбка, которая, в прочем, уже вскоре исчезла. Сейчас Винченсо сам на себя не был похож. Словно было затронута то, что трогать было нельзя, из-за чего к чертям полетел не только самоконтроль, но и сознание.

То, что происходило дальше, показалось мне кошмарным сном. Винченсо все смотрел на меня и на его губах то возникала эта жуткая улыбка, то исчезала. Его глаз вновь дернулся и парень схватил меня за волосы.

– То, что ты делала, пока тебя продавали... То, как ты пользовалась ее именем... Я узнал об этом недавно, когда покупал тебя, но сразу пожелал поспособствовать тому, чтобы твой труп закопали в лесу.

– Слушай... я могу доказать, что я Ромола, – прерывисто прошептала, но Винченсо меня не слушал. Он вновь сжал ладонь на моем горле, лишая меня возможности дышать.

– Но это сделать еще не поздно, – сказал Винченсо. – И, знаешь, Фелиса, я все думал, почему ты сейчас сопротивляешься мне, хотя раньше так настойчиво предлагала себя. Все дело в Яне? Верно? Не зря он рядом с тобой поставил своих людей. Та девушка Ноэми... Или Наоми. И парень управляющий. Ян с их помощью присматривал за тобой? Приходил к тебе? Трахал за моей спиной?

Я не смогла ответить. Хрипела и вырывалась, но уже ничего сказать не могла. Перед глазами все темнело и задыхалась. На этот раз Медичи не просто хотел причинить боль. Он желал убить.

– Сегодня стоит заняться уборкой и уничтожить мусор, – я уже ничего не видела, но отдаленно ощутила его дыхание на своей щеке. – Прощай, Фелиса.

Последние хрипы, жжение в груди и онемение в пальцах. Паника и страх, которым вторил голос Винченсо. Я чувствовала, как задыхалась. Я ощущала, как умирала. Как его ладонь забирала последнюю нить моего сознания.

Тогда, теряя сознание, я думала, что больше не очнусь, но ошибалась. Намного позже я пришла в себя и, прежде чем открыть глаза, услышала сдавленные, болезненные стоны. Это Неоми пыталась кричать. Правда, я сразу этого не поняла. В первое мгновение, после того, как открыла глаза, я увидела перед собой тускло освещенную комнату, простую деревянную мебель, дымку из-за множества выкуренных сигарет и так же я заметила каких-то незнакомых мне мужчин. Именно они и измывались над Ноэми. Насиловали, били, уродовали.

Увидев это, я под действием страха дернулась и попыталась закричать, но смогла лишь замычать. Во рту был кляп. Да и горло еще саднило, из-за чего даже дышать было сложно. Одежды на мне не было. Лишь мятая простынь частично скрывала тело. Ноги связаны около щиколоток и колен, а руки к чему-то привязаны. Судя по ощущениям, лежала я на деревянном полу.

Мне было страшно. Хотелось закричать, отвернуться и хоть как-нибудь унять такое быстрое биение сердца. Но, исключительно на интуитивном уровне, пока никто не заметил, что я очнулась, попыталась освободиться. У меня ничего не получилось. Сразу несколько мужчин заметили шевеление.

В ту ночь я узнала, что такое страх. Двое из тех мужчин попытались изнасиловать меня. Даже простынь успели сорвать и, не обращая внимание на мой испуг и попытки кричать, хорошенько облапать. К счастью их остановил другой мужчина. Сказал, что меня насиловать нельзя. Меня приказано убить нетронутой.

Позже этот мужчина сел на стул, который стоял рядом со мной и, наблюдая за тем, как я в паническом страхе пыталась вырваться, спокойно пил виски. Как я поняла, он наблюдал за тем, чтобы меня не тронули, ведь, до утра еще несколько мужчин предпринимали попытки дотянуться до меня.

Мне было очень холодно и больно. А еще страшно. В сторону Ноemi я не смотрела, но слышала, как постепенно ее хрипы становились тише. В эту ночь мое мировоззрение разрушилось. Все же ранее я была беспечной. Такой глупой и не ведающей, что такое страх. Но, видя, как передо мной человека превращали в кровавое месиво, я сама ломалась.

При чем, тот мужчина, захмелев, рассказал, что в отличие от парня, девушку убивать не будут. Ее изуродуют и как подарок передадут Яну от Медичи. Даже я своим воспаленным сознанием понимала, что это будет началом открытой войны.

Под утро я все же обернулась и посмотрела на Ноemi. Она не шевелилась, но, кажется, дышала. Страшное зрелище. Интересно, меня ожидало нечто подобное? Или нет?

Утром Ноemi унесли, а я все так же продолжала лежать на полу. Тот мужчина сказал, что они ждали ночи. Тогда они и намеревались что-то сделать со мной. И, да, я уже стала прощаться с жизнью, попутно с этим думая про маму и Фелису.

Почему-то вспомнила о словах Медичи и о том, что он стал первым мужчиной Фелисы. Винченсо сказал, что она пришла к нему, когда он был очень пьян, а такое бывало лишь раз в году. Двадцать второго декабря – в этот день умерла его мама и Медичи всегда напивался.

Жуткий холод, невыносимая боль в теле и кромешное отчаяние. Вновь мысли про маму, папу и Фелису, которую я, судя по всему совсем не знала. А еще я

вспоминала с каким сумасшедшим блеском во взгляде Медичи душил меня. Он делал это так просто и без малейшего сожаления... Так дико. Всего лишь полгода назад я бы не поверила, что он на такое способен.

Постепенно приближался вечер, но еще до наступления темноты, тот мужчина, который охранял меня прошлой ночью, развязал мне руки и ноги и, придерживая за локоть, повел в сторону коридора. Потом заставил меня подняться на второй этаж и завел в ванную комнату. Сказал, что планы изменились. Пока что меня убивать не собирались. Более того, для меня набрали горячей воды в ванную, чтобы я могла согреться.

Я слушала его молча и так же безмолвно кивала. Я была потерянной, испуганной, сломленной, поэтому с трудом различала реальность от собственных страхов. Даже не могла понять, не снится ли мне эта ванная, наполненная горячей водой и не очнусь ли я через несколько минут на полу в той самой холодной комнате, где около противоположной стены лежал матрас пропитанный кровью Ноэми.

После того, как мужчина ушел, я сбросила с себя простынь и залезла в ванную, но все так же продолжала подрагивать. Наверное, эта дрожь была не из-за холода.

Притянув ноги к груди, я обняла колени руками, склоняясь к ним лбом. Тяжело дышала и старалась забыть то, что видела этой ночью, но, наоборот, эти воспоминания будто бы въедались в память, наполняя сознание страхом. Поэтому, когда дверь вновь открылась, я рефлекторно вздрогнула и сжалась, испуганно подняв голову. В ванную комнату зашел Медичи.

Он молча снял с себя пиджак, после чего небрежно кинул его на тумбочку. После этого Винченсо закатал рукава на рубашке и сел на борт ванной, подкуривая сигарету. Я же обняла себя руками и отодвинулась к краю ванной. Теперь я боялась Винченсо.

– Фелиса, ты все еще хочешь притворяться той, кем на самом деле не являешься? – поинтересовался, выдыхая дым. В глазах опять пустота.

– Не хочу. Поэтому и хотела рассказать тебе правду. Рассказать о том, что я Ромола... – пока я лежала на полу, думала о том, что плохо пыталась убедить Винченсо в правде. Теперь я понимала, что должна была сказать, но Медичи не дал мне даже малейшей возможности произнести нужные слова. Его ладонь легла мне на шею и надавила вперед. Из-за этого я согнулась и с головой ушла под воду.

Я не успела вовремя закрыть глаза и их обожгло. Еще я не вдохнула воздуха, но сразу хлебнула воды. И вновь это ощущение паники от невозможности вдохнуть и от того, что в груди начало жечь. Я попыталась вырваться и брызги воды полетели в разные стороны, но Медичи отпустил меня лишь после того, как сам захотел. Я в этот момент чуть не потеряла сознание.

– А теперь? – без каких-либо эмоций спросил Медичи. Лишь в глазах виднелось то же, что и вчера.

– Ты... Почему ты меня не слышишь? – спросила сквозь сильный кашель. – Просто послушай меня...

И вновь он надавил мне на шею и я ушла под воду. Задышалась, захлебывалась и слышала, как в голове что-то щелкало. Это я ломалась.

– Все еще хочешь сказать, что ты Ромола? – спросил Медичи, отпуская меня.

Я опять кашляла и чувствовала, как по лицу стекали капли. Не просто воды из ванной, но и мои слезы. Я отрицательно замотала головой. Больше я не хотела говорить ему о том, кем являлась. Боялась, что он все же утопит меня.

– Раньше меня воротило от тебя. Даже секс с тобой был никаким, – сказал Винченсо, струшивая на пол пепел. – Но ты же с годами научилась хорошо подражать ей. Верно? Сейчас я вижу в тебе очень много того, что видел в Ромоле. Наверное, так сильно хочу тебя, хотя ранее у меня на тебя не стоял.

Я не смотрела на него, сидела согнувшись и все пыталась отдышаться.

– Меня бесит то, что вы похожи, – Медичи сомкнул пальцы на моем подбородке и заставил поднять голову. – Бесит то, что вижу ее в тебе. Задрался смотреть на

тебя, а потом опять... – Медичи отдернул себя. Мотнул головой и продолжил: – И мне иногда хочется изуродовать тебя, чтобы больше не напоминала. Поставить на тебе явное отличие.

Он выдохнул мне в лицо дым и из-за этого я прикрыла глаза, а когда вновь подняла веки, его сигарета уже была около моей ключицы. Одно мгновение и горящий табак обжег кожу. Я взвыла и дернулась. Вода потушила сигарету, но около ключицы уже виднелась ранка, от которой позже точно останется шрам. А Медичи, как ни в чем не бывало, встал с бортика и, положив руки в карманы брюк, сказал:

– Я хочу убить тебя и с легкостью верну назад. Пусть ночью тебя живьем закопают, – Винченсо обжег меня своим взглядом. – Но я так же могу дать тебе последний шанс. Если будешь послушной и все свои сходства с Ромолой будешь демонстрировать только в моей постели, я заберу тебя отсюда. Что ты предпочтешь? Умереть или лечь под меня?

Держа ладонь на ранке около ключицы, я хотела выкрикнуть, что лучше умру. Так бы я сделала еще вчера. Пропиталась бы своей гордостью и делала бы все, лишь бы продолжать держать голову высоко поднятой. Но эта ночь... Она меня сломала. Ожидая смерти, я поняла, что хочу жить и ради этого была готова переступить через себя. Я чувствовала себя никчемной, но все же опустила голову и сказала:

– Я буду послушной. Сделаю все, что ты захочешь...

Горло сжало от горечи, но ненависти это не убрало. Я возненавидела Медичи еще сильнее.

– Молодец, Фелиса. Хорошая девочка. Моя шлюха, – Винченсо оскалился. – Сейчас продемонстрируешь мне свою покорность.

Я все еще сидела в ванной. Прижимала колени к груди и, будто бы в защитном жесте ноги обнимала руками, со всей силы впиваясь короткими ногтями в кожу. Хотела причинить себе боль. Желала захлебнуться ею, чтобы отрезвить сознание и испарить душевные терзания, но все равно была намертво ими скованна. В комнате царила мертвая тишина, но я слышала, как нечто разбивалось, хрустело и щелкало. Это я ломалась, подобно мраморному изваянию, сброшенному со скалы в обрыв. Страх полета и болезненное приземление.

Получив от меня обещание вести себя послушно, Винченсо подкурил сигарету и плечом облокотился о стену. Одну руку он положил в карман брюк, а пальцами второй сжал мягкий фильтр. Некоторое время Медичи курил, делая глубокие тяги, и прожигал меня взглядом. Мне стало казаться, что он этими мгновениями спокойствия, подобно самому искусному палачу, устраивал мне изощренную пытку. Давал мне время окончательно сломаться и свыкнуться с ролью его игрушки.

Но вот Медичи нарушил тишину. Докурив сигарету, он отбросил окурочек в сторону и жестко приказал:

– Встань.

Я прикусила губу и буквально на несколько секунд закрыла глаза. Сделала несколько рваных вдохов, после чего поднялась на ноги.

С волос и тела стекала теплая вода, неровными струйками падая обратно в ванную. Наверное, моя кожа должна была покрыться мурашками от того, что ее коснулся прохладный воздух, но мне, наоборот, стало жарко от того, что Медичи окинул меня звериным взглядом, будто уже сейчас намеревался съесть. При этом он по-прежнему стоял вальяжно прислонившись к стене и, если не считать глаз, выглядел совершенно спокойно.

Винченсо уже видел меня голой, но мне все равно было как-то не по себе находиться обнаженной перед этим Громадиной. Поэтому сейчас я тоже прикрылась руками и тут же услышала от него очередной приказ:

– Руки убери.

До крови кусая кончик языка, я убрала руки и безвольно опустила их вниз, ладонями касаясь бедер. Винченсо медленно и будто бы никуда не торопясь внимательно осматривая каждый сантиметр моего тела. Тонкая шея, острые ключицы, около которых виднелся болезненной ожог от сигареты, грудь, талия, бедра... Мне стало казаться, что я уже физически ощущала его взгляд на себе.

- Подойди ближе.

- Пожалуйста, поговори с Батистой... - из-за боли в горле я не могла нормально разговаривать, но все же начала хрипло бормотать. Надеялась, что сейчас, когда Винченсо успокоился, нам удастся поговорить.

- Я уже говорил, что ты мне нужна не для разговоров, - в один момент глаза Медичи потемнели. - Твоим ртом я буду пользоваться иначе, а, если ты элементарно не можешь держать его закрытым, когда нужно, мы можем вернуться к тому, чем только что занимались.

Сегодня Медичи особенно удачно добился одного - теперь я его боялась. С болью в горле от вчерашнего удушья и с паникой в голове из-за того, что он только что так просто меня топил, я ни грамма не сомневалась в том, что Винченсо так же просто вновь может взять и окунуть меня в воду. Забрать у меня возможность дышать, лишь для того, чтобы сделать меня послушной игрушкой. Поэтому, все еще помня, как задышалась под водой, я замолчала. Опустила взгляд и очень медленно подошла к Медичи. Останавливаясь, я оставила между нами около метра дистанции.

- Ближе, - Винченсо мог легко сделать один шаг и оказаться рядом со мной, но, нет, он хотел, чтобы я сама преодолела это расстояние. Чтобы слушала его и показала свою покорность. А у меня другого выбора не было. Да и я устала защищать свое тело от этого монстра. Пусть возьмет его и растерзает. Сделает тоже самое, что сделал с душой.

Все еще до крови прикусывая кончик языка, я подошла ближе, значительно сокращая расстояние между нами и сразу же задалась вопросом, как унять ту дрожь, которая в один миг пронзила тело. Я же привыкла к росту Медичи, но сейчас по сравнению с ним ощущала себя невероятно крошечной. Так, словно за сегодняшний день Винченсо еще сильнее вырос. Или это отголоски своеобразной неуверенности от того, что он был полностью одетым, а я стояла

перед ним обнаженная?

- Молодец. Хорошая девочка.

Мне с трудом удалось сдержаться и не отпрыгнуть в сторону, когда массивная ладонь Медичи коснулась моей груди. Я не поднимала голову и не видела лица Винченсо, но чувствовала, что он все еще смотрел на меня. Поэтому я, собрав всю свою волю, осталась неподвижно стоять на месте. Собралась изображать безжизненного манекена, но не ожидала, что Медичи заберет у меня даже эту возможность.

У Винченсо очень большие и грубые ладони. Я думала, что такие могут только боль причинять и наносить увечья, но, как оказалось, его руки были способны и на другое. Нет, не на нежность. Нечто такое слащавое и Винченсо – вещи далеко не совместимые. Но, определенно, Медичи был опытен. Испробовав множество девушек, он прекрасно знал женское тело. А я, как девушка, которая впервые добровольно разрешила мужским рукам коснуться моего тела, ощутила то, что ранее мне было незнакомо.

Он трогал меня только одной рукой. Вторую парень все еще держал в кармане брюк, из-за чего его движения со стороны казались небрежными, но ощущения все равно были более, чем полными и мне сразу пришлось прикусить губу, чтобы не издать ни звука.

Медичи провел ладонью по груди, стиснул ее и большим пальцем задел сосок, слегка царапая его ногтем. Будто пробуя меня пока что лишь рукой, скользнул в бок и опустил пальцы, проведя ими по ребрам. Но почти сразу он поднял ладонь вверх, касаясь ожога на ключице. Ощутимо надавил на болезненный участок кожи, чем вызвал у меня сильную дрожь, но, будто поощряя за то, что не дернулась, Винченсо вновь сжал в ладони грудь, то сминая ее, то отпуская, чтобы пальцами коснуться соска и уже ему уделить внимание.

Я сильнее стиснула зубы и опустила голову. Не хотела показывать того, что от действий этого подонка мои щеки начали гореть. Со мной вообще творилось нечто странное. По телу пробежали импульсы, взрывая во мне нечто острое, но в тоже время тягучее. То, что покалыванием прошло от груди к позвоночнику, создавая желание выгнуть спину, и уже оттуда волной разбрелось по всему телу.

Мне хотелось самой себе дать сильную пощечину, так чтобы из головы выбить всю дурь. Во весь голос закричать и отругать себя за то, что позволяла себе ощущать все это. Чувствовать, что прикосновения рук ненавистного человека могут вызывать такой трепет – высшая мера наказания. От этого можно сойти с ума, ведь, даже полностью абстрагируясь и испивая к Винченсо только гнев, смешанный со страхом, я не могла унять манящего, но такого острого покалывания, которое бежало по телу всякий раз, когда рука Медичи касались моей груди и я ощущала шершавость его ладони на своей коже.

Так и получалось, что я выстраивала перед собой стену ненависти, желая спрятаться за ней, но эти новые ощущения, которые я просто не могла отвергнуть, подхватывали меня и били о каменную кладку.

Зато, я с иронией поняла, почему Винченсо раньше называл меня плоскогрудой. Сейчас у меня была грудь довольно приличного размера, но она все равно, по сравнению с рукой Медичи, казалась какой-то маленькой. Раньше я для него, действительно, была плоскогрудой.

Винченсо убрал руку от моего тела и я выдохнула, словно пережила войну, хотя, на самом деле, это была лишь маленькая битва.

– Пойдем, – парень развернулся к двери, но прежде чем выйти, взял с тумбочки свой пиджак и кинул его мне, безмолвно приказывая надеть.

Я спорить не стала и тут же прикрыла свою наготу, отмечая насколько сильно пиджак Медичи был большой для меня. Его низ доставал мне чуть ли не до колен. Вроде ничего необычного. И так было ясно, что Винченсо мальчик не маленький, но вот даже этот пиджак вызвал во мне приступ паники. Я же вообще мелкая по сравнению с ним. Что этот Громадина собирался со мной сделать? Я же во время орального секса, из-за его члена чуть не задыхалась. И то он даже на половину мне в рот не входил, хоть Медичи и пытался делать более глубокие движения. Еще и скулы потом не меньше суток болели. Какая речь могла быть о сексе? Винченсо меня порвет...

Пока мы шли по коридору и я смотрела на широкую спину парня, почему-то вспомнила, как смеялась с Медичи, предполагая, что своих девушек он в пылу страсти мог случайно раздавить. Тогда я и представить не могла, что однажды окажусь одной из таких девушек. Теперь уже мне было не смешно.

Медичи завел меня в комнату, но только после того, как он включил тусклый свет торшера, я поняла, что это было нечто сродни гостевой спальни. Правда, она выглядела совсем нетронутой, словно этих самых гостей тут уже давно не было. И как же сильно второй этаж разнился от первого.

– Иди сюда, – Винченсо подозвал меня и, когда я подошла ближе, он снял с себя галстук и протянул его мне. – Завяжи волосы.

Мои волосы все еще были пропитаны водой, которая стекала по спине на пол и мне от этого было холодно и как-то зябко. Поэтому я взяла галстук и им собрала волос в пучок. Как только я это сделала, Медичи взял пиджак за края и снял его с меня, вновь обнажая мое тело.

Он поддел пальцами мой подбородок и заставил приподнять голову. Несколько секунд Медичи всматривался в мое лицо, но казалось, что это длилось вечность. Сразу я отвела взгляд в сторону, но потом, будто приманенная чем-то, посмотрела в его глаза и успела заметить, как в них что-то поменялось. Правда, я не смогла понять, что именно.

– Похожа... – мне показалось, что он прошептал именно это слово, но уверенности в этом у меня не было. Слишком тихо оно было сказано.

– Я... – сейчас, не ощущая от него агрессии, я вновь попыталась начать разговор. Последняя попытка перед гибелью. Но я успела произнести только одну букву, после чего Винченсо тут же сжал пальцы на моем подбородке настолько сильно, что мне показалось, будто он вот-вот сломает мне челюсть.

– Замолчи, – глаза резко потемнели и в голосе послышалась ярость.

Я зашипела от боли и прогнулась в коленях, пытаюсь хоть как-нибудь избежать этой хватки. Но Медичи отпустил меня, лишь когда сам посчитал это нужным, оставляя на моем лице болезненное жжение от его пальцев.

– Ты мешаешь своими разговорами, – прорычал Винченсо вновь, заставляя меня поднять голову. После этого взгляд Медичи вновь скользнул по моему лицу и постепенно из глаз парня начала исчезать та жуткая темнота и мне показалось, что он настраивался на что-то и ранее, моя попытка заговорить, отвлекла парня.

Прошло еще несколько секунд и вот Медичи взял меня за руку, после чего быстро повел к кровати. Сам сел на ее край, после чего резко потянул меня на себя. Из-за этого я чуть не упала на Винченсо, но, прежде чем это произошло, он ловко подхватил меня и усадил к себе на колени, так, что теперь я была к нему лицом.

В его глазах запылал сильный голод и вот уже рука парня вновь смяла мою грудь. На этот раз более грубо, но в тот же момент как-то жадно. Вторая ладонь легла сзади на шею, безоговорочно заставляя отклонить голову назад и, как только я, повинувшись, сделала это, почувствовала, как губы Медичи коснулись моей скулы. Не было поцелуя. Лишь касание, но уже от него мое лицо вспыхнуло и в том месте я ощутила нечто сродни вспышки молнии.

Зашипела сквозь стиснутые зубы, от того, что губы Винченсо коснулись шеи, грубо целуя и болезненно покусывая кожу. По телу побежал сумасшедший жар, чередуясь с острым покалыванием и мне захотелось взвыть во весь голос, лишь бы унять лихорадочность мыслей. Не хотела этого ощущать. Не желала, чтобы ненавистный человек, подчиняя себе, вызывал в теле приятную слабость своими жесткими поцелуями. Это было так унижительно и вызывало саморазрушение.

Уже до скрежета стискивая зубы, я старалась абстрагироваться от того, как Медичи целовал мое тело. Жарко, жадно и, временами, болезненно. Оставляя следы и жжение на коже.

– Мелкая... – отдаленно мне показалось, что он произнес это слово, но я и в этом не была уверена. Зато, я расслышала его рык, с которым Винченсо одной рукой приподнял меня за бедра и губами словил мой сосок. Меня будто бы ошпарило кипятком и буквально на несколько секунд я забыла как дышать, как-то сама по себе, прогибаясь в спине. Ощущение его губ на моей груди – еще один сильный удар, дающий понять насколько я слаба. Медичи игрался с моим телом, наглядно показывая, что оно мне не подвластно.

До этого момента я не знала, куда деть руки, но сейчас, в каком-то непонятном мне порыве, пальцами вцепилась в его плечи, ощущая то, насколько его тело было напряженно. Сразу делала это, чтобы приобрести устойчивость, а потом со всей силы попыталась оттолкнуть Медичи.

Убрав ладонь от шеи, Винченсо провел ею по моей талии и бедру, а потом пальцами скользнул к моему самому интимному месту и, как только он коснулся меня там, я зашипела, пытаюсь отодвинуться. Вся сжалась и в который раз прикусила кончик языка. Вновь по телу бежали мурашки, скапливаясь внизу живота.

Меня трясло и в состоянии полного исступления, я дышала через раз, но все равно отчетливо различала аромат терпкого одеколona Медичи. Я помнила его еще с тех пор, как мы только познакомились. Я дышала этим запахом, когда, будучи еще совсем мелкой девчонкой, сидела в машине Винченсо и он отвозил меня домой после школы. И дышала им сейчас, когда губы парня болезненно ласкали грудь и, а грубые пальцы касались влажных складок, доводя меня до грани.

– Сжимаешься и стонешь, как девственница, – прохрипел Медичи и мне показалось, что ему нравилось то, как я себя вела. Особенно хорошо я это поняла, когда ощутила через ткань его брюк твердый член. – Молодец, Фелиса. У тебя талант. Быть перебанной столькими мужиками, но в постели вести себя не только соблазнительно, но и невинно. Раньше с тобой было не так интересно.

Я уже была сама не своя и слова парня стали чем-то сродни сильного удара, который тут же выбил почву из-под ног. Страх куда-то исчез и в затуманенном сознании всполохнули искры горестного негодования, из-за чего я схватила Винченсо за воротник и прошипела:

– Я и есть девственница. Не было у меня множества мужчин. Я не Фелиса!

Зря я это сказала. В очередной раз вызвала ярость у кровожадного чудовища.

В глазах Винченсо опять появилась темнота. На этот раз более плотная и страшная. Губы сложились в тонкую линию и черты лица заострились. Я понимала, что он был зол. Нет, не просто зол. В ярости. Ничем хорошим это для меня не могло закончиться.

– Вижу, что ты никак не успокоишься, – Винченсо зло прищурил взгляд. Теперь он стал похож на зверя, который намеревался растерзать добычу.

Он швырнул меня на кровать, буквально сорвал с себя рубашку и тут же начал расстегивать ремень, а я застыла, сжимая пальцами ткань покрывала.

Понимала, что убежать не смогу, а просто ждать того, что со мной намеревался сделать Винченсо, было мучительно страшно. Но, прежде, чем я смогла хотя бы собраться с мыслями, Медичи уже оказался около меня.

Не церемонясь, он толкнул меня в плечо и, когда я спиной упала на кровать, он раздвинул мои ноги, после чего за бедра притянул к себе поближе.

- Подожди... Пожалуйста, - взмолилась, но добилась лишь того, что Винченсо опять сжал ладонь на моей шее.

- Замолчи.

На этот раз он не медлил и уже вскоре я почувствовала своей плотью горячую головку. Подняла на Винченсо испуганный взгляд и приоткрыла губы, собираясь начать умолять не совершать того, что Медичи хотел сделать, но вместе этого пронзительно закричала. Винченсо сделал первый толчок - сразу сильный и глубокий. Наверное, он хотел с первого движения войти полностью.

Медичи - Громадина и член у него соответствующего размера. Поэтому, мне показалось, что даже девушке, у которой было много парней, все равно было бы больно сразу принять Винченсо полностью. Что уж говорить про меня?

Девственнице, которая от страха вся сжималась и совершенно не была готова к близости.

Это было невыносимо больно и мне сразу показалось, что низ живота обожгло адским пламенем. Непривычное чувство наполненности и, жжение между ног, пугало. Слишком остро. Чрезмерно больно.

Не в силах совладать с собой я продолжала кричать и извиваться под Винченсо. Сама не поняла, когда по щекам полились слезы и лицо исказила гримаса боли, смешанной с паникой. Всхлипывала и хватала воздух губами, но успокоиться не могла.

Винченсо явно не ожидал от меня такой реакции. Сразу он убрал ладонь от моей шеи и, судя по разомкнувшимся губам, хотел что-то сказать, но не стал этого делать. В следующее мгновение он сдвинул брови на переносице и, явно поняв,

что-то по ощущениям, достал из меня член, на котором увидел кровь.

– Что за?.. – одна его бровь взметнулась вверх. Винченсо поднял на меня взгляд, наверное, намереваясь посмотреть мне в лицо. Я к этому моменту уже перестала кричать, но все еще тяжело дышала, продолжая чувствовать саднящее жжение между ног, но прекрасно увидела, как глаза у парня, непривычно для него, округлились, выдавая сильное удивление.

Пока я от боли извивалась под Медичи, моя гулька растрепалась и теперь из нее торчали пусть и влажные, но уже порядком волнистые пряди волос. Винченсо прикоснулся к ним и сжал в своей ладони так, будто считал, что взгляд его подводил, из-за чего парень решил проверить мои кудряшки наощупь.

– Мелкая?.. – спросил он, переводя взгляд на мое лицо. Наверное, небольшая часть моего сознания ликовала. Ледяная маска Винченсо дала трещину и впервые я увидела у него такие эмоции, хотя раньше считала, что Медичи на них не способен. Неверие и острое изумление в черных глазах, а так же вытянутое лицо и вновь сдвинутые брови.

Не в силах сдерживать слезы, я все еще чувствовала, как они стекали по щекам. Хотела сказать что-то колкое и с этими грубыми словами выпустить хоть немного боли, но, скользнув взглядом по плечу Медичи, захотела произнести совершенно другие слова.

Я подняла дрожащую ладонь и со всей силы сжала плечо парня, там где находился еле заметный шрам.

– Помнишь, как я оставила тебе этот шрам? – несмотря на тяжелое дыхание, я старалась говорить ровно. На этот раз Медичи не стал меня останавливать и не запрещал говорить. Наоборот, смотрел то на мои волосы, то на лицо, то на мою ладонь, которая прикасалась к его коже. – Четырнадцатого июня, когда ты на мой день рождения пытался меня изнасиловать, я шептала тебе, что буду покорной и сделаю все, лишь бы ты меня не изнасиловал, но потом я взяла ручку и вонзила ее сюда, – я ногтями впиалась в кожу вокруг шрама. – Но если бы у меня сейчас была ручка, я бы вонзила ее тебе в глаз. Ненавижу... Подонок... Ненавижу...

Я все шептала и шептала слова ненависти. Да, Медичи меня сломал, но гнев, подобно сильному клею, вновь соединял разбитые части. Правда, их он складывал не в той очередности, в которой эти частички были раньше, из-за чего я понимала – после этой ночи я больше никогда не буду прежней.

Глава 5

Прерывистое дыхание не позволяло в полной мере насытиться кислородом и мне стало казаться, что я задыхалась. Попыталась успокоиться и унять эмоции, что так яростно жгли сознание, превращая мысли в пепел, но не смогла остановить даже слез, которые так и продолжали течь у меня по щекам. И от этого я ощущала себя слишком уязвимой. Слабой и никчемной.

Я взвинчено подняла подрагивающую руку и, тыльной стороной ладони, начала остервенело тереть глаза. До боли и красных отметин на лице. Так, чтобы возникшее жжение перекрыло судорожные порывы к всхлипыванию и плачу. Кажется, помогло. Я немного успокоилась. Во всяком случае, хотя бы внешне. Внутренне я все еще продолжала гореть.

– Отпусти. Отпусти меня... – не просила и не требовала. Просто шептала, прекрасно зная, что эти слова мне совершенно ничем не помогут. Зато, я понадеялась на действия и попыталась отползти на другой край кровати. Ни черта у меня не получилось. Медичи схватил меня за лодыжку и обратно притянул к себе, так, что я за собой потянула покрывало, в которое до этого вцепилась.

– Не дергайся, – Винченсо опять подложил меня под себя.

Теперь я уже не могла так ясно читать его эмоции, но зато чувствовала насколько сильно Медичи был напряжен. Каждая его мышца стальная и в глазах больше не было пустоты. Там виднелось мощное напряжение, которое граничило с чем-то страшным. Взрывоопасным. Казалось, что внутренний бикфордов шнур Винченсо уже был подожжен и огонек постепенно продвигался к детонатору. Еще немного и произойдет смертоносный взрыв.

– Не трогай меня! – вскрикнула, но, естественно, Медичи поступил ровно наоборот.

Несмотря на то, что мои волосы растрепались, галстук все еще связывал большую их часть. Винченсо взялся за ткань и потянул, тут же снимая его. Сделал это грубо и резко, тут же впиваясь взглядом в распущенные локоны, которые, из-за влаги, начали сильно крутиться.

Я опять попыталась отползти. Шипела, вырывалась и отталкивала Винченсо от себя. Страх едко звенел в голове, но теперь он не подавлял, заставляя подчиниться, а, наоборот, бунтовал сознание, буквально вопя о том, что мне следовало увеличить расстояние между мной и Медичи. Иначе он опять причинит мне боль. Винченсо на другое не способен.

Медичи, придерживая меня одной рукой за талию, не давал отстраниться и я ощущала, как опять обжигало прикосновение его кожи к моей. Но хуже было то, как он трогал мои волосы. Сжимал их и перебирал пальцами.

Как же я ненавидела, когда мои волосы трогали. Никогда и никому не позволяла этого делать, но Медичи, естественно, разрешение не требовалось. Сколько раз он вот так касался их? Как часто забирался ладонью в мои кудряшки, сминая и перебирая их своей огромной ладонью? Сложно даже предположить, но я помнила, что сразу очень сильно негодовала и пыталась сделать так, чтобы Винченсо не трогал мои волосы. На него никакие разговоры не действовали. Трудно это признать, но со временем я смирилась и даже привыкла. Наверное, только прикосновения Медичи не вызывали неприязни. Но это было давно. Сейчас меня передергивало от того, что Винченсо касался моих волос.

– Не трогай. Не прикасайся ко мне, – зашипела, упершись ладонями в его обнаженный торс.

Винченсо ничего не ответил. Он молча перевел взгляд на мое лицо и я заметила, как его губы сжались в тонкую линию. Я не знала, о чем он думал, но сама понимала, что за последнее время очень сильно изменилась и, в первую очередь это из-за комы и множества стрессовых ситуаций. Я сильно похудела, кожа посерела и вокруг глаз появились темные круги. От прошлой меня разве что волосы остались.

Мне показалось, что напряжение в комнате возросло, достигая своего предела. Вот-вот полетят искры и вспыхнет огонь. Сожжет меня и обуглит кости. И этим пламенем будет Винченсо.

- Мелкая... - Медичи рыкнул.

Он с силой сжал мои волосы в кулаке и я, не сдержавшись, простонала от боли. Правда, казалось, что делал он это иначе, чем раньше. Не для того, чтобы подавить, а для того, чтобы, пусть и жестко, но все же удержать.

Я ожидала того, что Винченсо начнет задавать мне вопросы, но ошиблась. Вместо этого он склонился надо мной и, не отводя от меня бесноватого взгляда, произнес одно слово:

- Рассказывай.

- Сначала отпусти меня, - рискнула поставить условие.

- Мелкая, рассказывай, - еще более грозно сказал Медичи и мне показалось, что лучше не заставлять его повторять в третий раз. Винченсо был на грани, но и я была не в себе.

Страшно? Да. Паника съедала сознание. Но сейчас злости было больше. Я пыталась рассказать, кем являлась, но Винченсо за это меня душил и топил. Его люди меня чуть не убили и этой ночью несколько раз попытались изнасиловать. А сейчас Медичи насильно и очень болезненно лишил меня девственности, но не давал мне даже секунды прийти в себя и требовал все рассказать. Подонок. Ненавижу. Как можно так обращаться с людьми?

- Что тебе рассказать, Громадина? То, за что ты только полчаса назад меня чуть не утопил? - я посмотрела на Медичи с ненавистью и гневом. Сейчас, хотя бы взглядом и тоном, я вернулась к себе прежней. Больше не пыталась изображать черты поведения своей сестры. И я прекрасно понимала, Медичи, внимательно наблюдая за моей мимикой, это заметил.

- Как так получилось, что ты жива? - я вздрогнула, почувствовав, что ладонь парня на моей талии сжалась сильнее, оставляя от пальцев красные отметины.

– В тот день сгорела Фелиса, – повторила то, что уже говорила ранее. Правда, тогда Медичи не стал меня слушать. – Из-за того, что при взрыве у меня с собой были ее документы, нас перепутали. После оказания первой помощи, меня лечили по страховке Фелисы.

– Так это ты лежала в коме?

– Да, – кивнула. – У меня нет страховки, а на продолжение нормального лечения требовались деньги. Поэтому я не стала говорить, что не являюсь Фелисой.

– И все? – Медичи оскалился и дернул за мои волосы, заставляя запрокинуть голову. – Ты, мать твою, притворялась Фелисой только из-за страховки?

– А тебе мало того, что меня могли посадить? – я дернулась.

– Ты могла прийти ко мне и я бы помог. Но, нет, ты решила, что лучше «умрешь» и станешь шлюховатой Фелисой, – Медичи стиснул зубы, ясно показывая свою ярость. – Мелкая, в который раз убеждаюсь в том, что в голове у тебя пусто. Ты хоть понимаешь, что с тобой могло случиться, если бы тебя купил не я? – в этот момент Медичи начал гореть и меня обожгло от его ярости. Он отпустил мои волосы и тут же ударил кулаком по кровати, от чего матрас всколыхнулся.

– Самое плохое со мной и так произошло. Со мной случился ты, – сейчас мне не было страшно. Слова Винченсо показались мне настолько абсурдными, что я не смогла сдержать саркастичной улыбки. – И, о чем ты? Прийти к тебе за помощью? Громадина, ты угрожал мне. Говорил, что найдешь и будешь насиловать. Помнишь? Или для тебя это такая мелочь, что ты о подобном быстро забываешь?

– Я помню, – Винченсо отстранился от меня, но продолжал смотреть в глаза. – Я помню все, что происходило до того дня, и после, – он резким, но в тот же момент, безразличным движением поправил штаны и встал с кровати. – Я помню обугленные кости, которые, как мне сказали, принадлежали тебе и я помню с каким звуком на землю упал Карбоне, разбивая об асфальт череп, после того, как я пустил ему пулю в голову за то, что он, получив от меня приказ найти тебя, вовремя не смог этого сделать, – Медичи не смотрел на меня и говорил ровно, но при этом выглядел жутко. Словно сам Сатана, хлесткими витками источая агрессию, решил посетить эту комнату. Я бы не удивилась, если бы он сейчас

начал крушить все, что находилось вокруг.

Я прикрылась покрывалом и прикусила кончик языка. Последние слова парня ударили по моему сознанию из-за чего я не смогла сдержать следующих слов:

– Боже... Ты больной на голову психопат, – я скривилась и, невольно, но очень показательно отодвинулась немного ближе к изголовью кровати, этим самым увеличивая расстояние между мной и им. – Если бы я раньше знала, что ты такой, оборвала бы с тобой любую связь.

– Не нужно врать, Ромола, и говорить сейчас, что раньше не знала, какой я, – сказал он, прищурив взгляд.

Медичи был прав. Я понимала, что он далеко не белый и пушистый мальчик. Я даже догадывалась раньше о том, что руки Винченсо были в крови. Понимание этого пришло ко мне, когда я читала правила ритуала посвящения людей в Коза Ностра. Вступить в клан мог только тот, кого рекомендовало минимум три мафиози. Этому рекомендованному человеку прокалывали палец и кровь лили на портрет святого, который тут же поджигали. Мужчина должен был держать в руках портрет пока он горел и, терпя боль от ожогов, говорить, клятву, что, пусть и его плоть горит так же, как портрет этого святого, если он нарушит Омерту. Но этот ритуал был лишь тем, что предупреждало о строгости правил. Живым клан никто не покидал и любое нарушение правил каралось смертью.

Больше ужасал второй, неофициальный ритуал. Чтобы избежать проникновения в клан полицейских под прикрытием, новичок должен был убить человека. Я сомневалась в том, что Винченсо могли заподозрить в связи с полицией, но так же сомневалась, что он пропустил эту часть ритуала. Но, честно, тогда мне было все равно. Может он убил человека, а может и не убил. Мне вообще все это казалось каким-то неважным и о чем-то подобном я старалась не думать. Но, все равно, краем сознания понимала, какой Винченсо монстр. Правда, я в этом сейчас не хотела сознаваться. Не желала даже мысленно соглашаться с тем, что по собственной воле общалась с таким ужасным человеком, прекрасно догадываясь на что он способен.

– Нет, не знала, – я отрицательно покачала головой. – Я многое о тебе не знала. Та, жестокость, с которой ты относишься к людям, пугает. Нормальный человек не может себя так вести. Ты хуже самых мерзких и отбитых на голову

преступников. Тебе...

- Нужно сидеть в тюрьме? - Винченсо закончил вместо меня.

- Да! - сказала, повысив голос. - Но я бы желала для тебя совершенно другой участи. Я бы хотела, чтобы тебя вообще не существовало. То, что ты сделал с бедной и несчастной Неоми, показывает твою мерзкую сущность.

- Бедной и несчастной? - переспросил так, будто я говорила несусветную чушь. Мне казалось, что он вот-вот расскажет мне что-то важное, но вместо этого, Винченсо произнес следующие слова: - Теперь я не могу понять, как раньше не узнал тебя. Настолько глупой можешь быть только ты. Наверное, тебя могли тут, в Милане, подложить под сотню мужчин, а ты даже не поняла бы, что произошло, - в последних словах особенно сильно чувствовалась ярость.

- И только ты можешь быть таким отвратительным, - и вновь я не сдержалась и на оскорбление ответила оскорблением. - То, что ты делал со мной, пока считал меня Фелисой... Поступок неадекватного человека. Ты ведь меня представлял? Да? Жуть и мерзость. Каждый раз меня воротило не только физически, но и морально.

На мои слова Медичи ничего не ответил, зато я заметила, как в его глазах залегла страшная чернота и лицо помрачнело. Он стал по-настоящему страшным. Одно мгновение и Винченсо оказался рядом со мной. Жестко подцепив пальцами мой подбородок, прошептал мне прямо в губы:

- Говоришь, что я больной на голову психопат? Так и есть. Но во многом я таким стал благодаря тебе. Именно ты толкала меня на те поступки, которых я сам от себя не ожидал.

- Отпусти, - слишком сильно Медичи сжал пальцы на моем лице, причиняя острую боль.

- И, Мелкая, можешь не врать ни себе, ни мне. Ты прекрасно знала, какой я. Знала, но все равно была рядом, - он толкнул меня ладонью в плечо и я упала на матрас, а парень навис сверху. - Я ведь сразу не хотел, чтобы ты слишком много видела и знала. Думал, что испугаешься и убежишь, но ошибся. Ты даже сейчас меня не боишься. Иначе бы не разговаривала так.

– Я сейчас с удовольствием убежала бы от тебя.

– Не позволю, – прошептал прямо в губы. Сжал мои запястья в одной своей ладони и пригвоздил к кровати над моей головой. – Ты от меня не убежишь.

Свободной рукой он вновь сжал мои волосы, причиняя легкую боль. Мне это очень не понравилось.

– Не трогай мои волосы, – наши губы были слишком близко и я отвернулась, желая избежать этой близости, но парень воспользовался даже этим и, прикоснувшись губами к моему уху, прошептал:

– Считаешь меня мерзким потому, что я захотел даже «Фелису», лишь бы на ее месте представить тебя? Мелкая, я даже хуже, чем ты думаешь, – его рука намного сильнее сжала волнистые пряди. – Мне нравятся твои волосы. Особенно они мне понравились, когда ты выросла. Так и хотелось поставить тебя на четвереньки и намотать твои волосы на кулак, чтобы держать их, пока я буду входить в тебя. И я хотел сжимать твои волосы, пока твои пухлые губы скользили бы по моему члену. Я много чего хотел, Мелкая.

– Так и знала, что ты не заинтересован мной. Это только заиклиность от того, что ты тогда не смог меня взять.

– Ты так считаешь?

Я почувствовала, как его мышцы вновь напряглись и я уловила возникшую хрипотцу в голосе. Так же я прекрасно ощутила, что у Медичи вновь стоял, из-за чего, под действием страха, начала вырываться, прикладывая к этому все свои силы. Естественно, для Винченсо мое сопротивление было чем-то сродни жалкой возни и он мог легко взять меня, но, неожиданно парень отстранился. Он сгреб меня вместе с покрывалом и поднял на руки, после чего понес куда-то.

– Куда ты меня несешь? – ошалело спросила, опасаясь того, что происходило.

– В ванную. Примешь душ и мы уедем отсюда, – при слове «ванная» я очень сильно напряглась и Медичи, почувствовав это, будто невзначай, добавил: – Я тебе ничего не сделаю. Но, если хочешь, можем вернуться в спальню. Я найду

чем нам заняться.

– Не хочу. И ты и так уже все сделал.

Винченсо ничего не ответил. Он молча занес меня в соседнюю комнату. Она была похожа на ту, в которой мы находились до этого. Имелось только одно весомое отличие. В этом помещении виднелась еще одна дверь, за которой находилась ванная.

Я была рада тому, что Винченсо занес меня в ванную, а сам вышел. Правда, когда я, через несколько минут выглянула в коридор, около двери увидела того мужчину, который этой ночью охранял меня. Наверное, Медичи приказал ему присматривать за тем, чтобы я не убежала.

– Вы уже закончили? – спросил мужчина, увидев меня, выглядывающую в коридор. Я отметила, что ко мне он начал обращаться на «вы». – Сеньор Медичи просил отвести вас к нему, когда вы выйдете.

– Я еще не помылась, – буркнула, возвращаясь в комнату.

Я пошла в душ и довольно долго стояла под теплой водой. Царапала кожу ногтями и пыталась смыть с себя прикосновения Винченсо. Так же надеялась, что вода смоет мою боль. Когда закончила, порылась в шкафчиках и нашла халат. На мне он висел, но, не имея другой одежды, я предпочла хотя бы это.

Вернувшись в комнату, я не спешила выходить в коридор. Вместо этого подошла к окну и выглянула на улицу. Этот дом был в отдалении от города, ведь за забором я увидела только лес и полоску дороги, на которой довольно часто проезжали машины. Во дворе никого не было, зато, имелось много деревьев, за которыми, при желании, можно было бы спрятаться.

Это получилось как-то спонтанно. Я просто открыла окно и через него перелезла на ветку дерева, растущего рядом с домом. Несмотря на боль во всем теле, по стволу спустилась вниз и прыгнула на траву. Был уже поздний вечер. Темнота и прохлада осеннего воздуха. Ощувив на коже покалывание от ветра, я уловила дуновение свободы. Поняла, что спонтанные действия самые правильные и, после черной полосы наконец-то началась светлая. Да, у меня не было одежды, денег и четкого плана, но лучше попытаться удачи и рискнуть сейчас, чем ждать

пока у Медичи опять что-то щелкнет в голове и он вновь попытается меня утопить.

Сейчас я убегу. Исчезну и Медичи меня больше не найдет. Кивнув этим мыслям, я спряталась за деревом и оглянулась по сторонам. Как только я посмотрела в сторону дома, сразу же встретилась своим взглядом со взглядом Медичи. Черт...

Винченсо стоял на крылечке и держал тлеющую сигарету. Волосы влажные и уже другие рубашка со штанами. Наверное, он тоже принял душ и переоделся, после чего вышел на свежий воздух. Судя по всему, он только подкурил сигарету, намереваясь сделать первую тягу, но застыл, заметив, что я спустилась по дереву, сильно задирая низ халата, чтобы им не зацепиться за ветки. Наверное, я даже хорошо так попой посветила.

– Мелкая... – прорычал Медичи, а мое сознание закончило фразу так: «тебе конец».

Одна секунда на размышления и одно мгновение, чтобы принять решение. Что-то в голове истошно завопило «Беги!!!» и я сорвалась с места.

Тело болело и мне было трудно двигаться в этом халате, но сил предавало то, что я сразу услышала, как Медичи побежал за мной. Понимала, что не смогу убежать, но все же какая-то надежда существовала на то, что смогу оторваться. Напрасно. Винченсо догнал меня почти сразу.

Он схватил меня за шиворот халата и толкнул в сторону дерева, после чего прижал меня к нему своим массивным телом. Стало трудно дышать, не то, что шевелиться.

– Я же сказал, что не позволю тебе убежать. На что ты вообще рассчитывала? – в голосе парня ярость и мне показалось, что даже кора дерева захрустела, когда кулак Медичи ударил по ней, рядом с моей головой.

Я напряглась. Ожидала, что Медичи причинит мне боль, но, неожиданно, Винченсо наклонился и его губы накрыли мои. Поцелуй сразу стал жестким и болезненным. Тем, что отобрало весь воздух и пустило по телу сумасшедшие и дикие разряды тока, а губы заставило жечь, словно от соприкосновения с раскаленным металлом.

– Не отпущу. Даже не пытайся убежать, – говорил Медичи, вновь набрасываясь на мои губы, словно оголодавший зверь на мясо.

Винченсо задрал низ моего халата и пальцами сжал попу, сильнее прижимая меня к себе. Наглые прикосновения и бесстыдные желания. Я вновь чувствовала эрекцию парня и ощущала его «хочу», которое не остужал даже холодный осенний воздух.

Я пообещала себе, что все же убегу, а потом подняла руку и дала Медичи настолько сильную пощечину, на которую только была способна.

Глава 6

У меня ладонь жгло от той пощечины, которую я вlepила Медичи, но для самого парня она была практически неощутима. Казалось, что Винченсо вообще мог проигнорировать ее, но я все же ощутила, как он замер на долю секунды, после чего перехватил мою руку и, сжимая ее около локтя, прижал к коре дерева.

– Мелкая, бесишь своим сопротивлением, – зло выдохнул, продолжая второй ладонью до боли и красных отметин сжимать мою попу.

Медичи казался одичалым зверем, намеревающимся растерзать свою добычу, коей являлась я. Грудь вздымалась от глубоких вдохов, а в руках ощущалась несдержанность силы и приближающаяся потеря самоконтроля. Страшно. Ночь, безлюдный сад и я в руках агрессивного чудовища – почти, как сцена из самого жуткого фильма ужасов.

– Отпусти, – тихо простонала. – Мне больно...

– Нет, Мелкая, тебе не больно. Но ты узнаешь, что такое боль, если еще хоть раз попытаешься убежать от меня, – он сильно злился из-за моей попытки бегства. И эта ярость переплеталась с его желанием, создавая дикий и взрывоопасный коктейль.

Неожиданно, Винченсо отпустил мою руку и, свободной ладонью подхватив меня за талию, приподнял над землей, так, словно я ничего не весила.

Я вскрикнула от неожиданности, тут же ощущая, как рука Винченсо, которой он до этого сжимал мою попу, скользнула вниз к коленке и, в грубом движении заставила мою ногу согнуться, обвивая парня за талию. Так же он поступил и со второй ногой, после чего Медичи перестал меня придерживать и я рефлексивно вцепилась пальцами в его плечи.

– Как же я тебя ненавижу, – с губ сорвались эти слова и я сжала ладонь в кулак, ударив им парня по груди. – Ненавижу! Отпусти!

И вновь мои удары для него показались не ощутимее укуса комара, но по глазам Медичи я поняла, что он почувствовал то, насколько сильно искренней была моя ненависть. Она исходила из израненного сердца и выражала все эмоции, которые вызывал Винченсо.

– Ненавись, – сказал он мне в губы. Вновь сжал волосы в кулак, не давая мне отвернуться и прервать этот зрительный контакт. – Если хочешь, ненавись меня, Мелкая. Мне плевать. Я к этому уже привык.

– Ну, конечно, какая разница, что чувствует девушка, которая тебе нужна только для развлечений в постели? – мне почему-то стало обидно. Удушающе неприятно знать, что я сейчас находишься в руках того, кто меня даже за человека не считал. Поскольку моим защитным рефлексом было нападение, я ядовито спросила: – Что так слабо, Медичи? А? Расскажи, с каких пор ты хочешь меня, плоскогрудую? Ту, которую ты раньше называл недодевушкой? Это у тебя новый фетиш? Или старый? Тебе ведь всегда нравились брюнетки с вьющимися волосами. Неужели я осталась единственной подобной девушкой во всей Италии, которой ты еще толком не попользовался, а, поскольку я так просто не давалась ты заиклился на мне? Да?

– Сейчас ты уже не такая плоскогрудая, – Винченсо ослабил хватку, пропуская мимо ушей остальные мои слова. Предпочитая действия словестной перепалке, он распахнул края моего халата, оголяя грудь.

Ледяной воздух тут же обжег обнаженную кожу и я вздрогнула, но не потому, что теперь была практически голой, а на улице уже проходила поздняя осень.

Меня буквально трясло от того, как на мое тело смотрел Медичи, опаяя своим взглядом тонкую шею, грудь и затвердевшие от холода соски. Мне даже казалось, что в этот момент мысленно он уже вовсю трахал меня, своими огромными ладонями сжимая грудь.

Чувствуя, как, против своей воли, я начала краснеть, вновь вспомнила, что раньше, во время наших обычных ссор, Медичи, пропитывая голос пренебрежением, говорил, что с желанием на такую недодевушку, как я, посмотрит только идиот. От этих воспоминаний хотелось засмеяться и, поделившись ими с Медичи, сказать, что, получается, он и есть идиот. Но, к сожалению, чувства победы мне это не давало. Мне казалось, что Винченсо не смотрел на меня с желанием. Только с похотью. Сильной и звериной, но все же похотью. Я для него не желанная девушка, а кусок мяса. Во всяком случае, отношение ко мне у него было соответствующее.

Из-за этих размышлений внутри начало разрастаться нечто неприятное и горькое. Мне невыносимо сильно захотелось избежать такого взгляда Винченсо и я попыталась прикрыться рукой, но Медичи ее тут же сжал в своей и убрал, будто в очередной раз показывая свою власть надо мной. Он отобрал свободу и теперь игрался мной, словно марионеткой. Куклой, у которой просто не могло быть своих желаний и она должна была подчиняться тому, чего хотел хозяин. А он хотел смотреть и не позволял прикрыться.

Горечь стала сильнее и я прикусила губу. Отвернувшись и на эмоциях, очень-очень тихо, произнесла слова предназначенные мне:

- Нужно было не бояться за свою девственность и согласиться на его помощь, - имела ввиду Ксиана. Его предложение помощи и заинтересованность моим телом.

Бывает такое, что слова становятся причиной ужасных событий. Эта моя фраза как раз стала чем-то подобным. Тем, что способно перечеркнуть правильные намерения и толкнуть на уничтожение и саморазрушение. Лишь разума и смести с ума.

Я не предполагала, что Медичи отреагирует на эти мои слова. Вообще не думала, что он их расслышит, но ошибалась.

– Повтори, – еще никогда в жизни я не слышала, чтобы голос человека настолько быстро менялся, наполняясь жуткими рычащими нотами. Винченсо вновь сжал мои волосы в своем кулаке и дернул за них с такой силой, что у меня чуть искры из глаз не посыпались. И все это лишь для того, чтобы заставить меня опять посмотреть на него.

– Ты что творишь?.. – вскрикнула.

– Повтори, что ты только что сказала. На чью помощь ты должна была согласиться и причем тут твоя девственность? Ты с каким-то мужиком связалась? – агрессия амплитудой возрастала, начиная хлестать по мне острыми хлыстами. – Он тебе помощь, а ты ему себя?

– Отпусти! Черт, Громадина...

Наверное, нужно было ответить как-нибудь иначе. Попытаться утихомирить просыпающегося в Медичи зверя, но я не смогла. Он настолько сильно сжимал мои волосы, что кроме этой боли я ни о чем другом думать не могла.

– Говори. Отвечай на мои вопросы!

– Да что на тебя нашло? С ума сошел?

– Что на меня нашло? – его пальцы коснулись моего запястья и с силой стиснули, заставляя вскрикнуть и убрать руку от плеча парня. Он сделал шаг назад и просто столкнул меня с себя, из-за чего я упала на мокрую траву. Но при этом, руки от моих волос он не убрал. – Стоило мне какое-то время не наблюдать за тобой, как ты тут же нашла себе мужика. Шлюха, – последнее слово прозвучало так, словно Винченсо им меня клеймил.

– О чем ты вообще говоришь? – оторопело спросила, чувствуя, как в груди, в унисон сердцу, забарабанил страх. – Никого я себе не нашла.

Я попыталась встать на ноги, но, как только у меня получилось сделать это, Медичи толкнул меня к дереву и я всхлипнула, ощутив, как острая шероховатость коры, сквозь ткань халата, поцарапала спину.

– Кто он?

– У меня никого нет. Ты меня неправильно понял, – с опозданием, но я все же попыталась успокоить его, ведь чувствовала, что, если этого не сделать – случится нечто страшно. К сожалению, я еще не понимала, что уже поздно что-либо предпринимать. Следующие события было не избежать.

Казалось, что Винченсо не услышал моих слов. Он прищурил взгляд и посмотрел на мое лицо, но всего лишь после нескольких секунд молчания он, сжав вторую ладонь в кулак до побелевших костяшек, изрек:

– Это Ян.

Я понимала, почему Винченсо пришел к такому выводу. Он сейчас не знал, что происходило со мной за то время, которое я провела в промежутке между взрывом и моего приезда в Милан. Но за ту неделю, которую его люди наблюдали за мной, Винченсо узнал о некоторых случаях, которые связывали меня и Яна. Ранее Медичи видел, как я выходила из машины Ксиана и Винченсо знал, что я ночью сбегала из хостела к Яну. Более того, Медичи видел, что после той встречи на мне остались засосы на груди и синяки на попе. Да и, как оказалось, за мной, по приказу Ксиана, следила Неоми.

– Что между вами было? Какие отношения вас связывали?

Я почувствовала себя на допросе, который так же предполагал изощренные пытки.

– Никакие. Я просто разговаривала с ним по поводу Фелисы, – сказала правду.

– Ты доверилась ему, а от меня продолжала скрываться? – мой личный апокалипсис был все ближе и ближе. – И вы, судя по всему, не просто разговаривали. Удовлетворяли друг друга? Ты ему отсасывала? Нужно же было заинтересовать Яна чем-нибудь. Не сразу же раздвигать ноги и отдавать свою девственность, – сколько ярости было в его голосе. – Пыталась продать ее подороже?

– Это не так! Медичи, ты хоть понимаешь, что говоришь? Это бред, – я взвыла от боли, ведь мне показалось, что Медичи мне сейчас просто оторвет волосы.

– Если я ошибаюсь, расскажи, как на тебе появились те засосы.

– Это было против моей воли...

– Да? Он тебя принудил? Так с чего же ты сейчас сожалеешь о том, что не приняла помощь Ксиана и не отдала ему свою девственность? – Медичи меня встряхнул и я всхлипнула от боли, которая пронзила все тело и растормошила во мне гнев. Пока что не сильный, но такой въедчивый.

– Ты меня тоже принуждал, подонок, – хотела укусить его за руку, но Винченсо развернул меня лицом к дереву и голой грудью прижал к коре, придавив рукой мне спину так, что у меня позвоночник хрустнул.

Бывает, смотришь на хорошо знакомого человека, но уже не видишь его. Трешь глаза, быстро моргаешь и вновь всматриваешься. На что-то надеешься, но за привычными чертами лица уже видишь незнакомца. От этого в груди начинает бурлить жженая горечь. Сейчас я ощущала именно ее.

Медичи продолжал насильно тащить меня за собой к беседке, а я то и дело спотыкалась. Путалась в ногах и чувствовала, как неистово дрожали колени, будто намекая, что они больше не в состоянии держать вес моего тела.

Я все же не удержала равновесие и, сминая цветы, упала в клумбу, но тут же была поднята на руки своим личным палачом. Наверное, Медичи посчитал, что будет легче донести меня к деревянной конструкции.

– Что ты хочешь сделать? Зачем несешь меня туда? – раз за разом растерянно хрипела, но ответа на свои вопросы не получила. Зато, ощутила насколько, болезненно пальцы Винченсо сжимали мое тело. Это с лихвой выдавало его злость и потерю самоконтроля.

С Медичи следовало быть осторожной. Я это понимала, но, лишаясь здравого рассудка, запуталась в себе, в тот момент, когда Винченсо произнес «Мелкая». В изнеможенном сознании будто что-то щелкнуло и у меня затесалось ощущение, будто мы вновь в Бергамо, а все мои неприятности лишь сон. Но все не так. Этот Медичи был не тем, кого я знала. Теперь он являлся незнакомцем. Жутким и страшным человеком, который легко причинит боль, утопит, задушит, убьет... Но, как раньше, сдерживаться не будет.

Мне хотелось во весь голос кричать. До боли в горле и срывающегося хрипа. Как же горько было от того, что Винченсо дал мне кусочек прошлого и вот теперь так грубо забирал его обратно.

– Почему ты такой? – я обреченно вцепилась пальцами в его рубашку. – Отпусти меня...

Медичи занес меня в беседку и я услышала, как угрожающе поскрипывал пол при каждом его шаге. Винченсо положил меня на стол и сжал ладонью мои руки около запястьев. Как всегда, грубо и неминуемо больно.

– Как давно у вас отношения? – Медичи сорвал с моего халата пояс и отшвырнул его в сторону. – Как давно позволяешь ему касаться себя?

– У нас нет отношений, – дернулась, слыша, как от страха сердце начало бешено биться о ребра. Опять начала вырываться, но, ожидаемо, безуспешно.

– Почему? Ян пользовался, но ничего не обещал? – свободной рукой он распахнул мой халат, так, что ткань на швах порвалась.

– Да не было между нами ничего, – судорожно выдохнула, тут же вскрикивая, когда Медичи, отпустив мои руки, подхватил меня под бедра и придвинул ближе к краю стола. – Что ты делаешь? Ты же не хочешь сейчас тут?.. – я запнулась. От этой догадки нечто невидимое, но сильное, сжало мне горло на несколько секунд лишая возможности дышать и говорить.

– Засосы возникли сами по себе? – будто наказывая за ложь, Винченсо приподнял меня за коленку и, не жалея сил, шлепнул. Адская, пульсирующая боль тут же разлилась по телу.

– Успокойся, Винченсо. Успокойся. Пожалуйста, успокойся. Давай поговорим. Я все объясню, – ошарашенно затараторила, но на Медичи это абсолютно никак не повлияло. Он опустил меня на стол и, придерживая одной ладонью, начала расстегивать ремень.

Сейчас я была сама не своя. Уже не человек, а лишь истерзанная душа в болезненной оболочке. Мысли вялые и я никчемная. Адреналин миновал свой пик и истощил тело, но, стоило мне понять, что Винченсо сейчас собирался изнасиловать меня прямо тут, в беседке, как в моем теле неизвестно откуда взялись силы. Наверное, они являлись небольшим подарком от паники, которая в быстром рывке заполнила все сознание.

Изнасилования я боялась больше любого другого возможного физического наказания. А все потому, что прекрасно помнила ту режущую и рванную боль, которая пробила тело, как только Винченсо вошел в меня. Это невыносимо вытерпеть. Такая боль может свести с ума.

Я уперлась ладонями в грудь Медичи, пытаюсь оттолкнуть его от себя. Вся дрожала и поэтому не ощутила того, насколько бешено билось его сердце, словно пыталось пробить грудную клетку.

– Что ты объяснишь? – Медичи уже расстегнул ширинку и достал член, придерживая меня еще крепче. – Расскажешь то, как любишь Яна? – и почему слова «любишь Яна» прозвучали, словно смертельный приговор? Вот только, приговор не мой.

Вместе с этим я заметила, что в Медичи бушевала странная ярость. Будто это и вовсе была не она, а нечто такое, что пожирало его изнутри и по венам пускало кислоту, превращающую кровь в шипящую жижу.

– Я не позволю тебе думать про Яна пока ты со мной, – Винченсо одной рукой облокотился о стол и склонился надо мной. – Пока я буду тебя трахать, ты будешь смотреть на меня и думать только обо мне.

– Да не думала я про Ксиана. Я так сказала только потому, что хотела тебя задеть, – отрицательно замотала головой, но Винченсо, казалось, меня уже не слышал.

– Не позволю тебе думать о ком-то другом, – он опалил мои губы дыханием, после чего положил ладонь на шею и жадными касаниями скользнул вниз к груди. Когда его пальцы легли на мой живот, слегка оглаживая, Медичи сказал: – Беременная моим ребенком ты будешь думать только обо мне.

Последних слов Медичи я уже не слышала. Его член коснулся меня между ног и головка надавила на вход. Это вызвало у меня настолько сильную панику, что я уже мало что понимала и слышала лишь стук собственного сердца, отдающийся у меня в ушах бешеной дробью.

Больно. Жутко больно. Я закричала и попыталась отползти, лишь бы не дать Медичи совершить желаемое. Бесполезно. Винченсо слишком крепко держал, но сейчас ему было еще сложнее войти в меня, чем в прошлый раз. А все потому, что теперь я была полностью сухая и просто неистово сжималась.

Я изо всех сил вырывалась, кричала и пыталась отползти назад. Кулаками била его и впивалась ногтями в смуглую кожу до кровавых отметин. Винченсо вставил в меня только головку, а мне уже казалось, что меня в том месте прожгли раскаленным металлом. Из глаз сами по себе полились слезы и я, теряя остатки разума, впала в истерику.

Лишь отдаленно, будто сквозь пелену, которая легла на глаза, я увидела, что Медичи, остановившись, оперся руками по обе стороны от мой головы и, несколько долгих секунд всматривался в заплаканные глаза, которые я вскоре закрыла, разрывая зрительный контракт.

– Черт, – Медичи выругался громко, но до меня долетели лишь приглушенные слова.

Неожиданно, Винченсо отпустил меня и отстранился. Уже вскоре я услышала, как один из деревянных стульев полетел в опору беседки и разломался на множества кусков. Медичи сорвался. Превращаясь в ураган, крушил все, что находилось вокруг. Не трогал лишь меня и стол, на котором я все еще лежала.

Я вздрагивала всякий раз, когда слышала глухие удары, но голову не поднимала и глаз не открывала. В защитном жесте легла в позу эмбриона, обнимая себя руками и все еще всхлипывала.

Звуки ломающейся мебели прекратились и я услышала тяжелые шаги. Я не видела Медичи, но почувствовала, как на меня легла какая-то ткань. Кажется, парень встал рядом со мной и поясницей облокотился о стол. Раздался щелчок зажигалки и я уловила тяжелый запах сигаретного дыма.

– Что же ты со мной делаешь? – послышались хриплые слова, полные жесткого истязания.

Я ничего не ответила, но все же открыла глаза и посмотрела на парня. Только сейчас поняла, что его рубашка лежала на мне, прикрывая обнаженную кожу от осенней прохлады. Сам парень теперь был лишь в штанах. Докурив сигарету, он приподнял меня и как-то отстраненно надел на меня свою рубашку, которая доходила мне чуть ли не до колен. А потом взял на руки и отнес к себе в машину. Я испуганно оглядывалась по сторонам и панически сжимала пальцы на его руках. Спрашивала, куда он собирался меня отвезти, но ответом мне была тишина.

Оказалось, что Медичи отвез меня в частную больницу, после чего отдал врачам. Сам больше не оборачиваясь и не смотря на меня, пошел прочь, а я еще какое-то время смотрела на отдаляющуюся широкую спину парня и вслушивалась в его тяжелые шаги. Он все еще был обнаженным по пояс и, неминуемо, привлекал внимание медсестер, которые, проходя мимо Винченсо, чуть себе шею не сворачивали, лишь бы подольше посмотреть на его тело.

Уже через двадцать минут, когда я судорожно размышляла как бы мне убежать от врачей, которые следили за каждым моим шагом, рядом со мной возникло два головореза в классических костюмах черного цвета. Они ничего не говорили. Лишь отдали мне одежду, в которую я переоделась, и сопровождали меня от одного кабинета к другому.

В больнице я вела себя послушно. В итоге, просто радовалась тому, что избежала изнасилования и вообще осталась жива. Я даже не сопротивлялась, когда те два головореза, под утро, усадили меня в свою машину и куда-то повезли. Сил не было и я отключилась на заднем сиденье, а проснулась уже в незнакомой для меня комнате. Сразу возникло желание осмотреться, чтобы понять, где я находилась, но, увидев на тумбочке рядом с кроватью поднос с

едой, тут же набросилась на нее. С голода переела и опять упала на кровать, чувствуя тошноту. Прикрыла ненадолго глаза и почти сразу опять заснула. Мне было так плохо...

Проснулась я ближе к вечеру. Вернее, меня разбудили. Мистер Порно довольно долго тряс меня за плечо, чтобы я хотя бы открыла глаза.

– Вам нужно выпить лекарства, – сказал он, протягивая мне пузырек с таблетками.

– Где я? Что это за место? – говорила еле слышно, ведь горло просто раздирало от боли.

– Это дом сеньора Медичи, – объяснил мистер Порно. Попыталась задать ему еще несколько вопросов, но мужчина довольно быстро ушел.

Я все еще была в той одежде, что и в больнице, но, заметив в углу комнаты сумку со своими вещами, которую привезли сюда из хостела, поплелась к ней и, порывшись, достала спортивные штаны и кофту. Приняла душ и пошла ходить по дому. Вернее, ковылять, еле передвигая ногами. Мне все еще было паршиво.

Множество безлюдных коридоров, в которых я лишь дважды столкнулась со служанками. Девушки ошарашенно посмотрели на меня, скорее всего, удивляясь синякам на шее. Я на такую реакцию особого внимания не обратила и пошла дальше, но очень много не увидела. Меня нашел мистер Порно и обратно отправил в ту комнату.

Лекарства я не пила и предпочитала смывать их в туалет. Зато, я много ела и еще больше спала. Набиралась сил и думала о том, что со мной произошло, вместе с этим стараясь все свои мысли разложить по полочкам. Еще размышляла о том, что скажу Винченсо и, как буду себя вести, когда он появится, но время шло, а парня все еще не было.

Лишь ночью, однажды слегка приоткрыв глаза, я увидела в своей комнате силуэт высокого и массивного мужчины. Он стоял около окна и курил, из-за чего огонек тлеющей сигареты отчетливо виднелся в темноте. А еще я уловила терпкий запах одеколона Винченсо, но, будучи жутко сонной и вялой, я почти сразу вновь провалилась в темноту.

Остаток ночи мне так и продолжало сниться, что этот человек смотрел на меня. Кажется, даже подошел ближе, сел на кровать и, вплетая в волосы свои пальцы, задал вопрос, который я ранее уже слышала:

«Что же ты делаешь со мной, Мелкая?»

На утро я не могла понять действительно кто-то был в моей комнате, или тот мужской силуэт являлся лишь одним из витков сна.

Медичи я увидела только во вторник ближе к обеду. Из окна я заметила, как к дому подъехала машина и из нее вышли Винченсо и Батиста. Парни перекинулись парой фраз и зашли в дом.

Естественно, я помнила про аукцион и про то, что Батиста должен был помочь мне исчезнуть, но уже сейчас понимала, что все, скорее всего, пропало. Правда, я все равно надеялась, что Батиста зайдет ко мне, чтобы поговорить и лишь ближе к вечеру я заметила, что в этом доме начало твориться что-то странное.

Обычно я почти без проблем ходила по дому, но тут около моей двери поставили охранника, который мягко отправлял меня обратно в комнату всякий раз, когда я пыталась выйти. Из окна я видела, как к дому одна за другой приезжали дорогостоящие машины и из них выходили мужчины весьма устрашающего вида. В этом доме происходило какое-то собрание. Я не понимала какова причина сбора этих людей, но догадывалась, что все они имели связь с преступным миром. Жуткие люди собрались для того, чтобы принимать устрашающие решения.

Мое сердце кольнуло, когда я увидела, что из очередной машины вышла уже знакомая мне блондинка – невеста Винченсо. Как и в прошлый раз, невероятно красивая. И одежда подобрана идеально: вечернее платье черного цвета и туфли на высоком каблуке.

Почему-то, при виде этой девушки, мое настроение резко полетело вниз и на душе стало гадко. Я отошла от окна и стала расхаживать по комнате. Посидела на кресле, полежала на диване, а потом решила пойти умыться холодной водой.

Когда вышла из ванной, увидела, что служанка принесла мне чай и поднос с едой.

Утопая в своих мыслях, я далеко не сразу поняла насколько взвинченной была и, беря в руки чашку с чаем, не думала, что рука дрогнет, проливая кипяток мне на грудь.

Это было невыносимо больно, поэтому я тут же вскрикнула и выронила чашку на пол. Она разбилась, а я, оступившись, порезала ногу. Ранка не большая, но крови много. Ею я запачкала весь пол в спальне и в ванной, пока пыталась остановить кровотечение полотенцами.

– Да что же такое? Вот же безрукая, – расторопно прошипела, видя, что кровь не останавливалась.

Платком перевязав ранку, я выглянула в коридор. Хотела у того мужчины попросить бинт и вату, но его рядом не оказалось. По близости вообще никого не было. Прихрамывая, я пошла искать хотя бы служанок, но все будто куда-то испарилось, а у меня, тем временем, уже платок кровью пропитался. Да почему же я такая невезучая?

Спустилась на первый этаж и пошла в сторону кухни. Уже знала, что там всегда находились повара и я надеялась, что им было известно, где лежала аптечка. На всякий случай, если видела впереди кого-нибудь из гостей, избегала их, но забыла про осторожность, когда заходила в помещение, которое больше напоминало проходную гостиную. Зато, ощутила пульсирующий взгляд, когда увидела там Медичи.

Справа от двери находился камин и около него стояло несколько кожаных кресел и такой же диван. Там и разместилось где-то десять мужчин. Сам Винченсо стоял около камина, а его невеста, как раз подавала парню стакан с каким-то крепким напитком.

– Кто это, Винченсо? Твоя гостья? Может, познакомишь нас с этой прекрасной особой? – эти слова принадлежали поджарому мужчине лет сорока пяти. Он первым заметил меня и я ощущала с каким интересом этот человек скользил по мне своим цепким взглядом.

– Это будет лишним, – Медичи с безразличием посмотрел на меня, словно я для него была пустым местом.

Винченсо кивнул охраннику и тот вывел меня из комнаты, словно я являлась грязной попрошайкой и не была достойна находиться в кругу этих господ. На это мне было плевать. Наоборот, я сама быстро пошла прочь из комнаты, обгоняя охранника.

У меня сердце бешено колотилось и руки дрожали. В этот самый момент я неистово боялась, а все потому, что в той комнате, среди присутствующих мужчин увидела человека, которого по праву можно считать сущим дьяволом. Хуже него никого нет.

На одном из кресел сидел Дарио. В этом я ни грамма не сомневалась, ведь, сколько бы лет не прошло, я его никогда не забуду. Как и раньше, безупречен и невероятно красив, но все так же вызывал панический страх.

В его руках были документы, которые Дарио читал и, пока я была в гостиной, он даже не поднял взгляд, явно считая, что написанное на бумаге куда важнее, чем какая-то девушка случайно зашедшая в комнату. И, быстрым шагом уходя прочь, я молилась о том, чтобы Дарио продолжал читать те бумаги и меня не увидел. Как же я боялась, что он меня найдет. Особенно, после того, что между нами было.

Сердце продолжало неистово стучать и я ускорила шаг, но, почти выйдя за дверь, все же почувствовала на своей спине пробирающий до дрожи взгляд.

Отступление. Дарио

2017 год Милан (Ромоле тут шестнадцать лет. В этом отступлении события, которые произошли с Ромолой после того, как Медичи ее унизил. Кто не помнит, перечитайте первое отступление в первой книге).

Ромола раньше неоднократно ездила в Милан, но это было впервые, когда планировалось длительное пребывание в этом городе. Подруга детства ее мамы, сеньорита Паола Пеларатти, родила тройняшек и, будучи матерью одиночкой, не могла справиться сразу с тремя крохами. Поэтому сеньора Гведиче взяла отпуск и поехала помогать подруге. Фелиса предпочла остаться дома, а Ромола решила составить маме компанию. Все равно, девушка сейчас не могла спокойно находиться в Бергамо и причиной этому был Медичи.

Ромола все еще не могла прийти в себя из-за того, что Винченсо унизил ее перед своими друзьями. Так жестко и болезненно показал девушке, что в ней не было никакой привлекательности. И, пусть Ромола об этом никогда и никому не сознается, но все же в ее сознании засела горькая обида и самооценка полетела вниз.

Поэтому девушке хотелось хоть как-нибудь отвлечься от паршивых мыслей и от этого поездка в Милан казалась еще более привлекательной. Подальше от Бергамо и подальше от Медичи.

– Они такие мааааленькие... – удивленно воскликнула Ромола, после того, как они с мамой уже приехали в Милан и девушка впервые увидела тройняшек. – Наверное, за ними трудно присматривать.

– Конечно, трудно, – ответила сеньора Гвидиче, подойдя к своей дочке. – Мне даже с тобой и Фелисой было нелегко.

– Паола, а вы удивились, когда узнали, что у вас будет тройня? – Ромола обратилась к подруге своей матери. Учитывая возраст и проблемы со здоровьем, роды прошли трудно, поэтому женщина выглядела неважно, но, тем не менее, на вопрос Ромолы она улыбнулась и весело ответила:

– Конечно, удивилась. Думала сознание потеряю. Кстати, а вот в том, что у твоей мамы будут близнецы, или близняшки, я вообще ни грамма не удивлялась. Учитывая, что у твоего отца был брат-близнец...

– Паола... – сквозь стиснутые зубы прошипела сеньора Гвидиче, чем тут же привлекла внимание своей подруги. – Не говори глупостей. С чего ты взяла, что у моего мужа был брат?

Сеньорита Пеларатти несколько раз удивленно моргнула, а потом растянула губы в улыбке и качнула головой:

– Ой, прости, я все перепутала. Из-за усталости в голове вообще многое перемешалось.

Ромола нахмурилась и с неким подозрением перевела взгляд с одной женщины на другую. Этот разговор показался ей странным, ведь после тех слов сеньоры Пеларатти он приобрел фальшивость смешанную с наигранностью.

Но, в тот же момент, Ромола тоже считала, что подруга ее мамы, что-то напутала. Отец девушки умер, когда ей и Фелисе было по три года, но, тем не менее, Ромола часто расспрашивала у мамы о своем отце и та говорила, что никаких родственников у него не было. Тем более, никогда не возникало никакой речи о брате-близнеце.

Но все же что-то сподвигло Ромолу начать задавать маме новые настойчивые вопросы касательно отца и его родни. Закончился этот допрос тем, что сеньора Гвидиче вручила дочери немного денег и отправила гулять по Милану.

– А как же помощь с тройняшками? – спросила Ромола, после того, как мама настойчиво вывела ее из квартиры.

– Сама справлюсь, – сказала женщина и закрыла дверь.

– Хм... Что это с ней? – Ромола сама себе задала этот вопрос, продолжая стоять на лестничной площадке. Она нахмурилась и прикусила кончик языка, но в итоге пожалала плечами и пошла к ступенькам, намереваясь по ним спуститься вниз.

Выйдя на улицу, Ромола оглянулась и, заметив небольшое ателье, улыбнулась, после чего бодрым шагом пошла к нему. Оно принадлежало соседке сеньориты Пеларатти – довольно экстравагантной девушке по имени Миления. Ромола подружилась с ней, когда ранее приезжала сюда.

– Ого! Ничего себе! – воскликнула Миления, увидев Ромолу. – Рада тебя видеть, Кудряшка. Мы не виделись лишь полгода, а ты выросла и такой красавицей стала.

– Ага, конечно, – саркастично фыркнула девушка. При слове «красавица» она вспомнила то, как ее унижил Медичи. Из-за этого улыбка исчезла с лица и это не скрылось от внимания Милении.

– Что-то случилось, Кудряшка? Давай рассказывай.

Миления не была близкой подругой Ромолы. Лишь одна из множества знакомых, но она являлась настолько приятным и дружелюбным человеком, что хотелось открыться ей в ответ. Поэтому, сев на стул, Ромола, без лишних подробностей, все же рассказал о том, поступке Медичи.

– Этот парень больной на голову, если считает тебя непривлекательной, – сразу же сказала Миления. Ромола была уверена в том, что девушка просто ее успокаивает и истины в ее словах нет, но, будто прочитав эти мысли, Миления добавила: – Кудряшка, хочешь, докажу тебе, что ты очень красивая?

– И как же ты будешь это доказывать?

– Покажу то, как на тебя могут смотреть парни. Поверь, тебя лишь немного приодеть и они все посворачивают себе шеи, когда ты будешь проходить мимо.

Миления явно увлеклась своей затеей. Для нее это стало чем-то наподобие игры, а Ромола просто решила в ней поучаствовать. Все равно делать было нечего.

Будучи почти одной комплекции с Ромолой, она решила одеть девушку в свою одежду. Сбегала домой и принесла узкую юбку черного цвета, нежную блузку и туфли на высоком каблуке. После того, как Ромола переделалась, Миления сразу не дала ей взглянуть в зеркало – пока что образ был незакончен. Она еще нарисовала девушке, а волосы оставила нетронутыми. Сказала, что кудряшки и так восхитительно выглядят.

– Вот, отлично, – улыбнулась Миления, наконец-то давая Ромоле возможность взглянуть в зеркало. И, да, девушке понравилось то, что она там увидела.

Ромоле показалось, что в зеркале была не она, а совершенно другая девушка. Более взрослая и невероятно красивая. Вот, что может сделать хорошо подобранная одежда и макияж, сделанный профессионалом. Миления

рассказывала, что раньше работала визажистом.

– Мне... Мне нравится, – Ромоле покрутилась около зеркала и впервые за последние дни улыбнулась. Она еще долго расхаживала по ателье в этой одежде и все злорадно думала, что бы сказал Медичи, если бы сейчас увидел ее, ведь выглядела девушка, действительно, хорошо. Правда, еще не знала, что своим внешним видом привлечет внимание другого мужчины, которого позже посчитает истинным Дьяволом.

Довольная тем, как выглядела, Ромола поняла, что не хочет переодеваться обратно в свои старенькие джинсы и бесформенную футболку. Хотелось еще хоть немного побыть красивой. Наверное, Миления даже это заметила, ведь уже вскоре предложила Ромоле:

– Слушай, я сейчас дошью это платье и буду свободна. Хочу съездить к своему парню на работу. Он устроился официантом в один ресторан. Хочешь поехать со мной? Посидим там и выпьем кофе. Ну и ты оставайся в этой одежде. Туда в джинсах не пустят.

Ромола тут же согласно закивала, но, если бы знала к чему потом приведет эта поездка, сразу бы отказалась.

Когда Миления сказала, что в этот ресторан не пускают в джинсах, Ромола поняла, что им окажется не какая-нибудь закусочная, но никак не ожидала побывать в настолько шикарном месте. Она бы даже не удивилась, если бы выяснилось, что умывальники там из чистого золота.

Да и попали девушки в это заведение лишь благодаря тому, что парень Милении, перекинувшись парой слов с хостес, провел девушек к одному из дальних столиков, который был тут чуть ли не единственным свободным.

Цены в меню кусались и Ромола понимала, что всех ее денег хватит лишь на чашку кофе, но все равно была довольна тем, что попала сюда. Впервые за последнее время, благодаря новой обстановке, ей удалось отвлечься и почувствовать себя иначе.

Миления влюбленно поглядывала на своего парня, который как раз принимал заказ у посетителей за соседним столиком. Наблюдая за этим, Ромола умилилась и решила пока что не отвлекать подругу разговорами. Вместо этого она предпочла сходить в уборную, чтобы, по пути, немного осмотреть ресторан и потом помыть руки.

Уже выйдя в малолюдный коридор, Ромола засмотрелась на пинакотеку Брера, которая виднелась за окнами ресторана и случайно столкнулась с кем-то. На каблуках она ходила не очень хорошо, поэтому, качнувшись, чуть не упала, но вовремя вцепилась пальцами в ткань одежды, стоящего перед ней человека.

– Черт. Да что же такое?.. – Ромола выругалась, пытаясь встать ровно. Убедившись в том, что каблук не сломан и лодыжка не подвернута, она подняла голову и только сейчас посмотрела на человека, с которым столкнулась.

Им оказался молодой мужчина лет двадцати семи. Довольно высокий и широкоплечий, но далеко не такой громадный, как Медичи.

Первое, о чем подумала Ромола, когда увидела этого незнакомца, так это о том, что он безупречен и невероятно красив. Она, действительно впервые видела таких мужчин. Смотришь на него и просто не можешь отвести взгляд. Черные волосы, густые брови и идеальные черты лица. От него хлесткими витками исходила мужская мощь и это был как раз тот случай, когда в человеке не было ни одного изъяна.

Хотя, нет, один изъян все же был. Его глаза – они отталкивали и Ромола мысленно назвала их дефектными. А все дело в том, что их серый цвет, пусть и веял насыщенным холодом, но все же сам по себе был очень блеклым и по цвету сливался с глазным белком. Такие же глаза у слепых людей, но Ромола была уверена в том, что мужчина все прекрасно видел. Во-первых, потому, что зрачки были черными, оставаясь в глазах единственными заметными пятнами и этим давая им подобие чего-то зверинного. Во-вторых – девушка прекрасно понимала, что мужчина смотрел именно на нее, а не сквозь Ромолу, как бывает у слепых людей. Поэтому, да, незнакомец все прекрасно видел, просто его глаза были жуткие, но в тот же момент...

– Такие красивые, – Ромола сама не поняла, что сказала это вслух, продолжая смотреть на зрачки. Она не могла этого объяснить, но в этом невероятно

красивом мужчине она считала самым привлекательным именно его глаза. Прошла лишь пара секунд, а девушка уже не могла понять, как это она их назвала дефектом. Да и теперь глаза не отталкивали. Наоборот, в них хотелось смотреть.

Незнакомец точно понял, что Ромола говорила о его глазах и на это он еле заметно приподнял бровь, но почти сразу опустил ее обратно, после чего наклонился к Ромоле. Девушка, вздрогнула, ощутив, как закололо губы от дыхания мужчины, когда он произнес:

– Руки убери, недалекая.

Ромола только сейчас поняла, что все еще пальцами сжимала белоснежную ткань рубашки этого мужчины. Девушка резко отпустила ее и сделала шаг назад.

– Недалекая? – переспросила Ромола, нахмурившись. – Вы всем девушкам грубите?

Незнакомец ничего не ответил. Наверное, не посчитал это нужным и просто прошел мимо Ромолы, после чего направился дальше по коридору.

Девушка посчитала этого незнакомца высокомерным грубияном. Мысленно чертыхнувшись, она тоже развернулась и пошла по коридору в сторону противоположную той, в которую направился мужчина. Вот только, не успела сделать и пары шагов, как почувствовала покалывающий жар, который сразу коснулся ее спины, а потом опустился ниже, обжигая бедра и ноги.

В этот момент Ромола рефлекторно повернула голову назад и поняла, что этим жаром был взгляд того незнакомца, который она ощутила на физическом уровне. По какой-то причине мужчина остановился и, обернувшись, остановился посередине коридора. Незнакомец теперь стоял лицом к девушке и рассматривал ее. Поза вальяжная, руки в карманах брюк и на лице ноль эмоций. Зато, его взгляд был сродни ножам, которые вонзались в тело девушки.

В этот момент Ромола сравнила мужчину с диким хищником. От чего-то голодным и поэтому опасным для окружающих. Себя же она ощутила беззащитным зверьком

Не понимая, почему мужчина смотрел на нее, девушка решила проигнорировать его так же, как и он недавно проигнорировал Ромолу. Но, вспоминая его «недалекая», исключительно из небольшого желания отомстить, показала мужчине язык, после чего развернулась и пошла дальше. Вот только, его взгляд она все еще ощущала на себе. Это жжение исчезло лишь после того, как Ромола скрылась за дверью уборной. Правда, даже после этого она все еще продолжала чувствовать себя как-то странно. По спине бежал холодок и руки подрагивали. Почему? Ромола далеко не сразу поняла, что причиной этому был страх, который она даже интуитивно ощутила.

После того, как Ромола вернулась за столик, она очень быстро отвлеклась на разговор с Миленией и забыла про того мужчину. Девушки живо обсуждали интересные темы, шутили и смеялись. Лишь немного позже, несмотря на хорошее настроение, Ромола вновь ощутила себя как-то странно. Словно по спине опять бежал холодок.

Продолжая рассказывать подруге смешные истории из колледжа, Ромола оглянулась и уже вскоре встретилась взглядом с тем незнакомцем. Он сидел лишь в нескольких столиках от Гвидиче, в компании еще нескольких мужчин и девушек.

– Что-то случилось, Кудряшка? – спросила Миления, из-за того, что Ромола резко замолчала.

– Нет, ничего, – девушка повернулась к подруге. Ромола вновь улыбнулась и продолжила рассказывать о тех неуклюжих ситуациях, в которые попадала во время учебы. Из-за этого неловко краснела, но все же смеялась вместе с Миленией.

Она продолжала ощущать на себе взгляд того незнакомца. Ромола не могла понять, в чем причина, но ее, словно заведенную, тоже тянуло обернуться к мужчине. Временами, они встречались взглядами, а, иногда, она смотрела на то,

как он разговаривал с людьми, сидящими с ним за одним столом. Ромоле казалось, что имея харизму хищного зверя, а так же свой особенный магнетизм, незнакомец выделялся среди всех, кто собрался в ресторане.

И еще она заметила, что никто не смотрел ему в глаза. Даже рыжеволосая девушка, которая, кажется, являлась его спутницей, этого не делала. Против воли, Ромола подумала, что это дико. На месте той девушки, она бы наоборот, не отводила бы своих глаз от его. Зато, спутница мужчины неоднозначно прижималась своей грудью к его руке.

Посчитав, что некрасиво глазеть на мужчину, который сидел в компании своей девушки, Ромола отвернулась и, как бы ей не хотелось вновь посмотреть на незнакомца, она этого не делала.

Его же взгляд продолжал жечь, поэтому, когда Миления собралась сходить на террасу, чтобы покурить, Ромола решила пойти с ней. Вот только, когда они уже стояли там, телефон Милении зазвонил. Девушка попросила Ромолу подержать сигарету, которую она только подкурила, а сама вернулась в здание. На террасе довольно громко играла живая музыка, а как поняла Ромола, связь с собеседником у Милении и так постоянно пропадала, из-за чего разговаривать и было крайне сложно.

- Тебе разве еще не рано курить?

Ромола не заметила того, как к ней подошел тот незнакомец, поэтому, от неожиданности вздрогнула и, против воли, опять посмотрела в его глаза. Они ей нравились, но вот инстинкт шептал, чтобы девушка держалась подальше от этого человека. Игнорировать и, тем более, грубить, она не стала, но и своими объяснениями касательно того, что сигарета не ее, девушка не хотела давать повода для разговора. Поэтому уклончиво ответила:

- Нет, не рано.

- Уже взрослая?

Ромола буркнула, что ей нужно идти, после чего решила отойти к другому краю террасы и через стеклянную стену посмотреть куда делась ее подруга, но мужчина не дал ей этого сделать. Он ощутимо сжал пальцы на ее предплечье,

после чего потянул девушку к себе. Из-за этого Ромола уткнулась лицом в его рельефный торс.

Девушка почувствовала, как его пальцы легли сзади на ее шею и сжались там, не давая Ромоле отстраниться. Вторую ладонь он положил на талию и притянул девушку к себе ближе, сокращая расстояние между ними до минимума. Умелые и сильные руки пока что не причиняли боль, но будто бы сковывали девушку. Сейчас, даже не делая ничего страшного, он ее до дрожи пугал.

- Что вы... - Ромола запнулась, почувствовав, как он наклонился и губами скользнул по ее щеке, а потом и шее. Но мужчина ее не целовал. Он вдыхал запах девушки. Дышал Ромолой и с каждым новым глубоким вдохом все сильнее сжимал ее талию, так что она ясно почувствовала насколько сильно напряглись его мышцы. Ее саму будто разрядами тока пробило.

- Как же пахнет твое тело... - в голосе рычащие нотки, смешанные с предвкушением, а на лице зловещий оскал.

После этих слов мужчина отпустил ее. Положил руки в карманы брюк и, как ни в чем ни бывало, пошел в здание, а Ромолу еще долго трясло. Она вспомнила про Милению только после того, как увидела сигарету, которую случайно уронила на пол и после этого на ватных ногах пошла искать девушку, но она словно под землю провалилась. Да и ее парня нигде не было видно.

Ромола понимала, что должна была дождаться подругу, но уже не хотела оставаться в ресторане. Поэтому она вернулась за столик и позвала официантку. Хотела заплатить за счет и заодно попросить работницу этого заведения, чтобы она позже уведомила Милению о том, что Ромола ушла, но, как оказалось, счет уже был оплачен.

В тот день творилось нечто странное. Сплошная неразбериха, но Ромола старалась на ней не акцентировать внимание. Ей уже нужно было возвращаться к сеньорите Пеларатти, чтобы помочь с тройняшками. Правда, к тому дому она так и не дошла. Завернув на более пустующую улицу, девушка не услышала позади себя шаги и вовремя не смогла отреагировать, когда на ее нос и губы легла ткань пропитанная чем-то едким. Тем, что мгновенно забрало у Ромолы сознание и заставило упасть в темноту.

Временами она просыпалась, но глаз открыть не могла. Лишь по своим ощущениям понимала, что лежала на сиденье в машине. Тело вялое и в голове туман, но, отдаленно услышав разговор, Ромола запомнила его навсегда.

- А эта хорошая. Я бы сам не прочь с ней...

- Ага. Попробуй прикоснуться к его игрушке и он тебе устроит пытку. Он это любит. Кости переломает, глаза выжжет, прикажет повесить тебя вниз головой, чтобы ты так подышал...

- Да брось. Чуть.

- Говорю не просто так. Такое уже было. Кстати, а почему эта девчонка без сознания?

- Так это не купленная игрушка. Сеньору задолжала какая-то наркоманка. Он хотел ее на органы отдать, а она сегодня позвонила и сказала, что в «Брер» приведет девчонку смазливую. Вместо себя хотела предложить с тем условием, что сама сделает так, что эту кудрявую никто искать не будет. Я это все услышал от Джовани. Он с ней разговаривал вместо сеньора.

- То есть, она спасла свою шкуру? Всегда удивлялся тому насколько женщины хитрые и беспринципные.

- Нет, на органы ее все же отправили. А эта кудрявая просто приглянулась сеньору Дарио. Он решил взять ее к себе. Все равно, прошлая его игрушка уже никакая. Теперь, думаю, ей уже ни один врач и ни один психолог не поможет.

- Ты так говоришь, будто кого-то из них потом возвращали к обычной жизни. Легче убить, чтобы не мучились. Но эту кудрявую мне даже жаль. Очень хрупкая. Долго не протянет.

Ромола еще долго считала происходящее страшным сном. Ее мозг отказывался воспринимать то, что весь этот ужас мог происходить на самом деле. И, тем более, она не хотела верить в настолько глобальное невезение. Попасть в руки к

такому жуткому садисту. Что может быть хуже? Позже девушка поняла, что даже сам дьявол уступал Дарио в жестокости.

Когда Ромолу только привезли к тому дому, она еще толком не пришла в себя. Не могла нормально вырываться и звать на помощь. Единственное, что было ей под силу – слегка приоткрыть глаза и сквозь туманную пелену смотреть на сад, по которому ее несли к зданию.

Неподалеку от главного входа мужчина, держащий Ромолу на руках, остановился и спросил:

– Уже увозите ее?

Ромола несколько раз моргнула и немного лучше сфокусировала взгляд, благодаря чему смогла рассмотреть тех, кому был адресован этот вопрос. Ими являлись несколько суровых мужчин в черных классических костюмах. У Гвидиче возникла неприятная ассоциация и она сравнила этих незнакомцев с работниками похоронного бюро. Тем более, девушка, которую они вели к машине, больше напоминала ходячий труп, нежели живого человека. Она была неожиданно красивой с весьма впечатляющей внешностью, но множество больших синяков на руках, ногах шее, подсказывали о том, что ее неоднократно связывали, а до сумасшествия пронзающий страх в ее глазах говорил о том, что незнакомка пережила нечто такое, что было в разы хуже любых пыток. Еще на ней было много ссадин и при ходьбе девушка сильно хромала. Дрожала, кусала губы и сжималась, будто даже сейчас чего-то боялась. Она выглядела, как загнанный зверек, которого переживал и выплюнул ужасающий хищник.

– Да, сеньор сказал, чтобы мы дали ей свободу, – ответил один из мужчин на ранее заданный вопрос. Он явно говорил про ту дрожащую девушку. Вот только, говорил он слово «свобода», а звучало оно, как «смерть». – Мне передали, что скоро привезут его новую игрушку. Это она?

Незнакомец подошел ближе к тому мужчине, который держал Ромолу и девушка почувствовала, как он коснулся ее волос. Пощупал пряди, а потом убрал их в сторону, открывая ее лицо:

– Впечатляет. Даже очень.

– Ничего себе. Впервые слышу, чтобы ты говорил что-то хорошее об игрушках сеньора.

– Обычно они у него хоть и красивые, но шлюхи. А эта хотя бы не выглядит, как блядь.

– Так она, скорее всего, ею и не является. Ее не купили. Можно сказать, что подобрали на улице. Приглянулась сеньору.

– Поэтому без сознания?

– Да. Так она не сопротивляется. Но я с тобой согласен. Хорошенькая девчонка. С виду невинная, но тело у нее что надо. Сиськи, конечно небольшие, а вот губы... Только мне кажется, что сеньор такую невинную неженку сломает за одну ночь. Скорее всего, придется скоро вывозить ее.

– У нее глаза открытые, – тот мужчина, который назвал Ромолу впечатлющей, из-за густых ресниц, только сейчас увидел, что у нее были еле заметно приоткрыты глаза.

– Не обращай внимания. Она еще под снотворным. Пусть смотрит. Все равно сейчас ничего не соображает.

Мужчина ошибался. Пусть и с трудом, но Ромола все понимала и этот разговор тоже запомнила. Поэтому, уже немного стала осознавать, что происходило, но никак не была готова к тому, что ее ожидало вереди.

Дарио приехал в этот дом ближе к вечеру. Ромола все еще не отошла от снотворного и постоянно проваливалась в темноту. Лишь изредка просыпалась и пустым взглядом смотрела на потолок комнаты, в которую ее отнесли. Но, услышав стук открывающейся двери, она резко вынырнула из сна и даже попыталась сесть на кровати. Не получилось. Удалось лишь приподнять голову.

Девушка видела, как Дарио закрыл дверь и, провернув в замке ключ, положил его в карман брюк. Мужчина сразу снял с себя пиджак и кинул его на кресло, после чего пошел к кровати.

– Теперь для тебя существует только одно правило: всегда и во всем слушаться меня. Выполнять приказы и подчиняться.

От вида того, как Дарио подкатывал рукава на рубашке, у Ромолы сердце пропустило удар. Мужчина в тот вечер так и не тронул ее, но остановило его лишь состояние девушки. Он понял, что та все еще находилась под снотворным и посчитал неинтересным такое развлечение. Ромола, подумала, что наверное он не такой уж и плохой и возможно с ним можно поговорить о том, чтобы ее отпустили. Но она еще не знала, что в тот вечер мужчина который переборщил со снотворным и этим лишил Дарио развлечения с Ромолой был вызван к нему в кабинет. Девушка еще не понимала насколько сильно этого человека боялись, но, наверное, осознала это если бы увидела, как провинившийся мужчина по приказу Дарио, лишь бы не разозлить его еще сильнее, начал голыми руками доставать из горящего камина угли, из-за чего по комнате распространилась вонь жженого мяса.

Ромола пробыла в том доме неделю. За это время произошло многое и она узнала, что это за человек. Безжалостный, циничный садист. Будучи еще совсем девчонкой, Ромола в его руках впервые ощутила мужское желание, а оно, у Дарио было не таким, как у обычных мужчин. У его желания был привкус боли и сумасшествия.

Но с Ромолой он не дошел до конца. Забрал ее первый поцелуй и каждый вечер в течение этой недели приходил в комнату девушки. Частично раздевал ее, сжимал в своих руках и дышал девушкой. Вдыхал запах каждого сантиметра ее тела и зверел от того, что не мог взять ее прямо сейчас. Дарио являлся человеком, который не привык отказывать себе в желаемом, поэтому, из-за этого неудовлетворения пугал Ромолу еще сильнее. Он становился по-настоящему страшным.

Ему привезли новую девушку. Дарио развлекался с ней в комнате со звукоизоляцией, но Ромоле казалось, что она слышала крики незнакомки. И все равно каждый вечер, после того, как хоть немного утолял свои извращенные и садистские желания, он приходил к Ромоле. Вновь дышал ее телом и с особым извращением понемногу учил ее слушаться его. Подчиняться ему.

Когда Ромола только попала в этот дом, Дарио сказал ей одно правило, но потом добавил еще два. Одно из них девушка нарушила за это поплатилась. Ромола думала, что Дарио ее убьет. Он мог это сделать, но все ограничилось ранами на

теле от его ремня. Но Дарио все равно был в ярости и в тот вечер Ромола действительно слышала крик девушки, с которой он утолял свою жажду. Наверное, эта жажда вышла из-под контроля и девушка ее не выдержала. На следующий день Дарио привезли новую игрушку. Что случилось с прошлой, Ромола не знала, но утром видела, как в машину клали что-то размером человеческий рост и завернутое в полиэтилен.

Ровно через неделю Ромола убежала и она никогда не забудет кровь человека, который помог ей это сделать. Чудом вернувшись в Бергамо, Ромола первым делом позвонила маме и удивилась тому, что та даже не искала ее, хоть и волновалась, что дочь так долго не звонила. Оказывается, Миления, еще когда они сидели в ресторане провернула одну небольшую затею, из-за которой мама девушки некоторое время не должна была беспокоиться о ее пропаже.

Сеньора Гвидиче удивилась тому, что Ромола оказалась в Бергамо и уже тут начала еще больше волноваться, но девушка заверила ее в том, что все хорошо. Случай с Дарио лишил ее спокойствия на долгое время и убедил в том, что в полицию обращаться нельзя. Так Дарио мог найти Ромолу. Пока он считал, что ее зовут иначе, у девушки был хоть какой-то шанс спрятаться от него.

Еще неделю, до приезда мамы Ромола безвылазно сидела в квартире, боясь каждого шороха и как же сложно ей было убедить Фелису в том, что все хорошо. Ромола желала забыть Дарио, но о нем напоминало кольцо, которое мужчина подарил девушке. И так же о его жестокости напоминали раны от ремня. Те, что были на попе, со временем полностью зажили, но на спине на всю жизнь остался один еле заметный шрам.

Еще Ромола никогда не забудет слова Дарио:

«Убежишь и я найду тебя. Достану из-под земли и ты узнаешь, как я могу наказывать».

Прерывистое дыхание и бешенное биение сердца. Из-за нагнетающих, тревожных мыслей, боль в ноге была не заметна и, будто убегая от пожара, я торопливо взлетела на второй этаж, после чего так же быстро пошла по коридору. Я даже забыла о том, что все это время за мной шел охранник Медичи. Вспомнила о нем лишь в тот момент, когда зашла в комнату, в которой сейчас жила, а он, остановившись в дверях, сказал:

– Вам запрещено выходить отсюда.

Я с трудом сдержала нервный смешок, который так и норовил сорваться с губ. Выйти из комнаты? В данный момент, я была готова тут забаррикадироваться и выходить точно не собиралась.

Мужчина ушел, а я начала расхаживать по комнате. Делала глубокие вдохи и пальцами сжимала волосы. Меня трясло и морально выворачивало наизнанку. Стоило лишь раз увидеть Дарио, как меня тут же пробила нервная дрожь и в голове вспыхнули воспоминания о той неделе, которую я провела в доме этого человека.

– Успокойся, Ромола. Просто успокойся, – шептала самой себе.

Сделала несколько глубоких вдохов и до крови прикусила кончик языка. Мысленно устроила себе взбучку и насильно заставила притупить страх, но, когда дверь открылась, я все равно сильно вздрогнула и резко обернулась.

Оказалось, что ко мне пришла горничная, чтобы обработать ранку на ноге. Я только сейчас заметила, что платок, которым я перевязала ступню, уже насквозь пропитался кровью и я ею запачкала не только эту комнату, но и, скорее всего, коридор.

– Спасибо. Я сама перевяжу, – сказала девушке, доставая из аптечки бинт и вату.

Очень взвинченно я обрабатывала ступню, пока горничная вытирала плитку. Потом я еще долго расхаживала по комнате, но успокоить себя смогла только спустя несколько часов. Все же, я пробыла у Дарио лишь неделю и с тех пор прошло два года. Наверное, он уже и не помнил меня.

Я продолжала смотреть в окно и видела, что после полуночи гости начали уезжать. Затаив дыхание, я ждала, когда из особняка выйдет Дарио и, после того, как это наконец-то произошло, я до боли вцепилась пальцами в подоконник.

Наблюдала за тем, как мужчина спустился со ступенек и пошел к своей машине. Радовалась тому, что он вот-вот уедет, но нахмурилась когда Дарио резко остановился. Внезапно он обернулся и, пусть с такого расстояния я не видела его глаз, но мне показалось, что мужчина посмотрел на особняк.

Сердце закололо и меня будто бы током ударило, ведь мне показалось, что наши взгляды встретились. Я понимала, что это невозможно. С такого расстояния тяжело определить куда смотрел человек, но я, все равно, словно обожженная кипятком, отскочила от окна и отошла к другому концу комнаты.

Мне действительно нравились его глаза, но я прекрасно помнила то, насколько жуткими они могли быть. Случалось такое, что этот монстр мог понять то, о чем я думала лишь один раз взглянув на меня. В такие мгновения казалось, что его зрачки пронзали миллионом острых иголок. Нечто подобное я ощутила сейчас.

Нервозность вернулась на прежнее место, но когда я вновь аккуратно выглянула в окно, ни Дари, ни его машины не увидела. Он уехал и мне сразу стало легче.

За всю ночь я так и не смогла заснуть. Почти все время сидела на подоконнике и смотрела в окно, поэтому заметила, как следующим утром из дома вышла невеста Медичи. Если я правильно помнила, ее звали Оттавия.

Девушка была во все том же платье, что и вчера, но вот от прически не осталось и следа. Было видно, что она мыла волосы, а потом сушила их феном, из-за чего волнистые пряди превратились в прямые локоны. Тут все было очевидно – этой ночью Оттавия развлекала Медичи в постели. Отдавалась тому, кто, наверное уже скоро, станет ее мужем.

Мне от этой мысли стало как-то неприятно, поэтому я решила уйти от окна. Лишь напоследок еще раз взглянула на Оттавию. Она в это время, зло жестикулируя руками, кричала на бедного садовника. И чего это она не в

настроении? Или для нее нормально бросаться на людей? А ведь с виду такой ангелочек.

На душе было более чем паршиво. То, что я увидела Дарио, выбило почву из-под ног. Ситуация с Медичи тоже была неприятной. Он держал меня взаперти, словно какого-то зверька, а сам в это время принимал гостей и спал со своей невестой. Наверное, вовсе забыл про меня. Ну, конечно, рядом с такой красавицей невестой он вообще голову потерял.

Нет, я была рада тому, что Громадина меня больше не трогал, но и продолжаться все так не могло. Вечно сидеть в этом доме я не могла и не хотела.

Еще немного подумав, я решила, что нужно поговорить с Винченсо. Постараться убедить его отпустить меня. Хотя бы в знак нашей прошлой дружбы.

В коридоре, около моей двери, стоял мужчина. Он меня не выпустил из комнаты, но я в этом особо не нуждалась. Просто попросила передать Медичи, что я хочу поговорить с ним, после чего начала раздумывать над тем, что скажу Громадине. Хотела, чтобы разговор прошел спокойно, поэтому тщательно готовилась к нему. Вот только, время шло, а Винченсо все никак не приходил ко мне.

Позже я выглянула в коридор и спросила у мужчины передал ли он мои слова Медичи на что получила такой ответ:

- Передал, но сеньор Медичи занят и не может уделить вам время.

Я нахмурилась и сказала, что буду ждать, когда Винченсо сможет поговорить со мной. В принципе, у меня другого выбора не было.

Я видела, как Медичи вечером приехал домой и думала, что мы наконец-то поговорим, но Громадина так и не пришел ко мне. Тем более, через полчаса приехала Оттавия и, как я поняла, Винченсо предпочел уделить время ей, а не мне.

Из-за того, что прошлой ночью я бодрствовала, сегодня заснула около одиннадцати и половину ночи мне снились кошмары. Хотя нет, не кошмары, а воспоминания о той неделе, которую я провела у Дарио.

Кажется, ночью я опять просыпалась. Один из снов взбудоражил так, что меня просто выбросило в реальность. Но сонная дымка еще не исчезла из сознания, поэтому я мало что соображала.

Слегка приоткрыла глаза и, кажется, посмотрела в сторону окна. Вновь увидела около него массивный силуэт и тлеющую сигарету. Несколько долгих секунд смотрела на него, а потом почувствовала, как глаза начало жечь. Только теперь поняла, что все это время не моргала и прикрыла веки. Хотела глазам дать время отдохнуть, но, в итоге, опять заснула.

Утром вновь выглянула в коридор, но охранник сказал неизменные слова о том, что Медичи занят и ко мне не придет, а ближе к вечеру я увидела его около дома. Винченсо разговаривал с Дарио.

Я не слышала, о чем говорили Дарио и Винченсо, но посмотрев на них, поняла, что мне, тем более, нужно уходить из этого дома. Слишком опасно тут оставаться.

После того, как Дарио уехал, я вышла в коридор и села на пол. Сказала, что не вернусь в комнату пока со мной не поговорит Винченсо. Бесполезная затея. Тот охранник просто поднял меня на руки и зашвырнул обратно в спальню, после чего закрыл дверь на ключ.

Примерно через час приехала Оттавия и я поняла, что в этот день Медичи точно ко мне не придет. Не станет тратить время на меня и лучше уделит его своей красавице-невесте.

– Ненавижу, подонок... – я зло пнула стул. В этот момент просто неистово ненавидела Громадину. Думала о нем и внутри все сгорало от злости. Поэтому решила, что раз он меня игнорировал, мне стоило хотя бы подумать о побеге.

Через окно изучив видную мне территорию, я попыталась понять, как можно выбраться из комнаты и добежать до забора. Но никаких вариантов не нашла. Из этого дома бежать бесполезно.

Ближе к двенадцати, пошла в душ и легла спать. Но не потому, что устала. Просто больше нечего было делать. Правда, сразу заснуть не смогла. Лишь ближе к середине ночи сумела уловить сон, который, в последствии вновь оказался кошмаром. Но на этот раз я спала чутко, поэтому время от времени просыпалась и, в очередной раз вынырнув в реальность, уловила запах сигаретного дыма.

Приоткрыла глаза и посмотрела в сторону окна. Там вновь увидела силуэт громоздкого мужчины и тлеющую сигарету в его руке. Ранее мне казалось, что этот человек являлся лишь частью моего сна, но теперь была уверена в том, что он реален.

Какой-то мужчина находился в моей комнате.

Я резко села на кровати и потянулась к ночнику. Включила свет и часто заморгала, пытаюсь рассмотреть того, кто стоял около окна. Сердце пропустило удар, когда я поняла, что это Винченсо. Черные волосы были немного растрепаны из-за ветра, но одежда, как всегда, безупречная. Черные брюки и такого же цвета жилет виднеющийся сверху белоснежной рубашки.

- Громадина? - я удивленно приподняла бровь.

Потерла глаза тыльной стороной и встала с кровати.

- Что ты тут делаешь? - своего удивления я не скрывала. Да, последние дни ждала прихода Медичи, но не ожидала увидеть его ночью. Тем более, не понимала, что он тут делал пока я спала.

Винченсо ничего не ответил и на лице не появилось каких-либо эмоций. Зато глаза прожигали. Я даже вздрогнула от того, каким бесноватым взглядом Медичи скользил по мне.

Только сейчас поняла, что стояла перед ним лишь в кружевных трусиках и белой майке, через тонкую ткань которой были отлично видны очертания груди и затвердевшие от прохлады соски. Горничная забрала почти все мои вещи, чтобы постирать их, поэтому у меня не было особого выбора в чем спать.

Я быстро вернулась к кровати и взяла одеяло, которым тут же обмоталась. Стала похожа на огромную гусеницу, но лучше так, чем стоять перед Винченсо полураздетой.

– Я хотела поговорить с тобой, – мне не нравилось то, что Винченсо молчал. Да и от него исходила какая-то странная аура, из-за которой мне стало казаться, что парень меня вот-вот сожрет. Но я все же рискнула начать этот разговор. – Пожалуйста,пусти меня. Я никому и ничего не скажу. Просто мирно начну жизнь где-нибудь вдали от тебя.

От Медичи и на этот раз не последовало никакого ответа. Он поднес к губам сигарету и сделал глубокую тягу. Продолжал прожигать меня взглядом, но при этом молчал.

– Винченсо... Послушай, пожалуйста,пусти меня. Я больше никогда не появилось рядом с тобой. Мы больше не увидимся. Я этого очень хочу.

На этот раз Винченсо хоть как-то отреагировал на мои слова. Он поднял свободную руку и ладонью поманил к себе. Если честно, жутко угрожающий жест, но я все же пошла к нему. Решила, что буду покладистой. Так больше шансов, что Медичи выслушает меня и отпустит.

Когда я оказалась рядом с парнем, он наклонился ко мне и обжигая щетку горячим дыханием, сказал:

– А я хочу, чтобы ты по первому моему требованию раздвигала ноги и просила, чтобы я тебя скорее трахнул.

Щеки предательски вспыхнули румянцем и я тут же попыталась сделать шаг назад, но Медичи подхватил меня на руки и усадил на подоконник. Правда, перед этим он сорвал с меня одеяло и я вновь оказалась полуобнаженной перед ним.

– Наши желания не совпадают, поэтому кому-то придется уступить, – Винченсо облокотился руками о подоконник по обе стороны от меня и приблизился своим лицом к моему. Еще немного и он коснулся бы моих губ своими. – И, Мелкая, это точно буду не я.

– Что на тебя нашло? – я уперлась руками в торс парня. Чувствовала, что он был зол и агрессивен, но не понимала по какой причине. Я вела себя хорошо. – Винченсо, у тебя есть невеста. Очень красивая невеста. Какой тебе смысл спать с такой, как я? – от собственных слов стало гадко.

– Потому, что хочу. Я, твою мать, хочу тебя, – вцепился ладонью в мои волосы и болезненно дернув за них, прорычал эти слова мне в губы. Медичи точно был не в себе. – Хочу, чтобы ты каждое утро брала у меня в рот. Вылизывала член и глотала сперму. Чтобы под своей гребанной мешковатой одеждой, специально для меня носила сексуальное белье. И чтобы каждую ночь ложилась под меня и во весь голос кричала мое имя, пока я буду трахать тебя во все дырки.

– А?.. Чт... – я никогда не страдала малословием, но на этот раз мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Сделав глубокий вдох, я коснулась пальцами лица Медичи, после чего положила ладони на его щеки, ощущая под ними легкую щетину:

– Винченсо, посмотри на меня, – попросила. До этого он скользил зверинным взглядом по моим бедрам, груди и губам. – Я знаю, что в прошлом мы часто ругались, но я никогда не делала тебе ничего плохого. И сейчас не делаю. Просто хочу спокойной жизни.

– Спокойной жизни, в которой ты выйдешь замуж за другого и нарожаешь от него детей?

– Спокойной жизни в которой ты не будешь меня мучить. У тебя скоро свадьба. Ты станешь мужем той девушки. Живи же с ней счастливо, а меня не мучай. Отпусти...

– Нет, – резкий ответ. Он был зол, но моих ладоней от своего лица не убирал.

– Как скоро ты на ней женишься? – спросила. Он наклонил голову вперед и мы соприкоснулись лбами. Я от этого вздрогнула, но отстраняться не стала. – Вам же нельзя изменять женам. За это свои же убьют. Какой смысл рисковать только из-за того, что тебе захотелось не только свою невесту?

– Я тебя не отпущу, – на мои вопросы он отвечать не стал.

– Ты знаешь меня с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать... – прошептала. – Между нами столько всего было. Неужели ты даже из уважения к нашей дружбе не отпустишь меня?

– Не отпущу. У меня к тебе дружеских чувств никогда не было, – его рука немного сильнее сжала мои волосы. Я заметила, что он часто так делал. – Максимум, я могу подумать над твоими желаниями. Но только в том случае, если ты выполнишь мои условия и дашь мне то, чего я хочу.

– И чего ты хочешь? – задала глупый вопрос. Ответ на него я уже знала.

– Тебя. Хочу тебя, – Медичи впился своим бесноватым взглядом в мои глаза. – Мелкая, я не советую тебе отказываться. И я не буду долго жать ответа. Надоели эти игры. Дай мне ответ сейчас.

Глава 8

– Ты ставишь слишком неравные условия, – опустила взгляд вниз и убрала ладони от его лица.

– Я так не считаю, – Винченсо не позволил мне отстраниться. – Мелкая, дай ответ. Сейчас. Я долго ждать не буду.

Не нравилось мне все это. Медичи держал меня в своих руках как-то по-собственнически. Будто я принадлежала ему. Но не как какая-то вещь, а как девушка.

Вот только, в этот самый момент я вспомнила, как он душил меня. Как топил в ванной и тушил об меня сигарету. Он взял меня силой и мог сделать это вновь. Медичи – подонок. Человек, для которого нет ничего святого.

– Как же я тебя ненавижу, – прошептала. Слова сорвались с губ сами по себе.

– Это твой ответ? – голос Винченсо стал мрачнее и его рука сильнее сжала мои волосы. Впервые у меня возникло желание их остричь, чтобы Медичи не смел больше сжимать пряди своими руками. Я пообещала себе, что сделаю это при первой же возможности.

– Ты так нуждаешься в моем ответе? – не смогла сдержать ироничного смешка.

– Я даю тебе выбор.

– Выбор? – подняла взгляд и вновь посмотрела в его глаза. – Медичи, ты никому не даешь выбирать. Все и всегда происходит только так, как ты этого хочешь.

За спиной открытое окно, а впереди Винченсо. Бежать некуда. Сплошная безвыходность. Почти, как ситуация в которой я оказалась. Из этого дома никуда не деться и, скорее всего, за сопротивление и любую провинность меня вновь будет ожидать наказание. Он хочет и он получит. Сломает и разобьет на мелкие части душу. Хотя, нет. Уже сломал.

Какими не были бы мои надежды, реальность такова, что свободу я могла получить только одним путем – дать этому подонку то, что он хочет. Он попользуется и выбросит в тот момент, как я ему надоем.

– Я согласна, – мой голос прозвучал ровно, но кончики пальцев задрожали.

– Повтори, – приказал, смотря на меня звериным взглядом.

– Я согласна, повторила более громко.

Я дернулась, когда его губы накрыли мои. Они у него жесткие. По-мужски грубые и немного сухие, но такие горячие. Одно мгновение и язык Винченсо оказался у меня во рту, делая поцелуй безжалостно жадным и глубоким. Я не

отвечала, но почувствовала, как по коже, резкими всплесками пробежалось сумасшедшее покалывание.

– На что ты согласна? – спросил, подхватывая меня под бедра и поднимая на руки. Я тут же обвила руками его шею, чтобы не упасть. – Мелкая, скажи, на что ты согласна?

– Я отдамся тебе, Громадина, – у меня чуть сердце из груди не выскочило, когда я поняла, что он нес меня к кровати. – Ты... Ты хочешь сейчас?

До этого момента я храбрилась, но теперь растеряла всю свою смелость, которая появилась у меня благодаря отчаянию. Я вспомнила, как мне было невыносимо больно, когда он впервые вошел в меня. Секс с Медичи – это адская пытка и я не была уверена в том, что смогу ее выдержать. Нет, свои слова я не собиралась забирать обратно, но мне нужно было хоть немного времени, чтобы принять мысль, что Винченсо уже скоро будет рвать меня пополам своим огромным членом.

– Подожди. Я дала ответ сейчас, как ты и просил, но, пожалуйста, не сразу. Я... Я не готова.

– Когда же ты будешь готова? Через неделю? Месяц? Год? Тысячелетие?

– Следующей ночью. Я буду готова следующей ночью, – я быстро замотала головой. – Если ты возьмешь меня сейчас, я все равно буду вырываться и кричать. Мне страшно...

– И что изменится к следующей ночи?

– Я попытаюсь перебороть свой страх...

– И будешь послушной?

– Да.

– Сделаешь все, что я захочу?

– Да, – вновь кивнула. Хотя в голове было столько сомнений. Мало ли, что он прикажет мне сделать.

Винченсо некоторое время молча прожигал меня взглядом, а потом сказал:

– Убеди меня в том, что ты меня хочешь и этой ночью будешь послушной девочкой. Моей девочкой. Сделаешь это и до следующей ночи я тебя не трону.

– Я.. хочу тебя. И я буду послушной, – сказала слишком быстро радуясь тому, что Громадина мне уступил. Правда, радость была преждевременной.

– Не верю, Мелкая. Попробуй еще.

– Я очень сильно хочу тебя и буду делать все, что ты захочешь.

– Неинтересно. Плохо стараешься. Лучше вернемся к тому, с чего начали, – Медичи понес меня к кровати, а я тут же лихорадочно замотала головой.

– Подожди, – вскрикнула, после чего сделала глубокий вдох и, теснее прижавшись своим телом к его, растерянно забормотала в губы Медичи. – Я хочу чтобы ты сделал меня своей. Чтобы я принадлежала только тебе и только ты ко мне мог прикасаться. Всегда и везде... Только ты. И я так хочу чувствовать тебя в себе. Ты ощущаешь, как я дрожу? Это потому, что ты оставляешь меня неудовлетворенной.

Я действительно дрожала. Но не от желания, а от едкого гнева и ненависти к Медичи за то, что заставлял меня унижаться и говорить нечто такое человеку, которому я, будь моя воля, вообще никогда не разрешила бы прикасаться к себе.

– Я целыми днями только о тебе и думаю... – я продолжала нести какую-то чушь, но договорить не смогла. Винченсо накрыл мои губы своими, сразу же сминая их в жестком, собственническом поцелуе.

– Что ты?.. – я начала вырываться и шипеть сквозь его поцелуи. – Ты же говорил, что не тронешь меня сейчас, если я скажу нечто подобное, – я уперлась руками в его плечи и попыталась отстранить Винченсо от себя, но это не помогло. Наоборот, он еще крепче прижал меня к себе и я бедром, даже

сквозь ткань штанов, почувствовала твердый, как камень член. – Тебе вообще верить нельзя. Подонок... Ненавижу!

Только последние мои слова возымели эффект. Буквально на мгновение он замер, словно ему в висок выстрелили из дробовика.

В следующую секунду Винченсо меня отпустил, но из-за неожиданности я рухнула на пол. Он пошел к двери и перед тем, как выйти из комнаты, не оборачиваясь ко мне, сказал:

– Следующей ночью я приду и возьму то, что принадлежит мне. Возьму тебя.

В этих словах было столько несдержанности и огромный намек на сорванный самоконтроль. Мне стало еще страшнее.

– Ромола, какая же ты дура! – я в голос отругала саму себя, после чего опять склонилась над умывальником и плеснула на лицо холодную воду. В этот день я только и делала, что принимала контрастный душ, или хотя бы умывалась ледяной водой. Только так могла успокоиться.

Я упрекала себя за то, что попросила Медичи подождать до следующей ночи. Нужно было сразу отдаться ему. Просто закрыть глаза, позволить взять меня и как-нибудь перетерпеть боль. Но, нет, я испугалась и сама потребовала для себя еще более паршивые условия. Теперь я не только разрешала ему воспользоваться моим телом, но и обещала, что сама буду делать то, что он захочет. Ну не дура ли?

Чем ближе был вечер, тем сильнее во мне бушевала ненависть переплетенная со страхом. Но я все же пыталась морально подготовиться.

Ближе к обеду мне принесли подарок от Винченсо. Это была небольшая черная коробка, в которой лежало такого же цвета нижнее белье и чулки. Там же я нашла небольшую карточку, на которой печатными буквами было написано: "Надень это для меня".

– Извращенец, – произнесла на выдохе, рассматривая содержимое коробки. Более откровенного нижнего белья я еще никогда в жизни не видела.

И он хотел, чтобы я это надела для него? Да черта с два!

Я зашвырнула коробку под кровать и... тут же полезла доставать ее обратно.

– Успокойся, Ромола. Не горячись. Ты же обещала быть послушной. Немножко потерпишь и он отпустит, – говорила самой себе заползая под кровать.

Ближе к восьми вечера горничная отвела меня в другую спальню, которая находилась в противоположном конце здания. Там я уместилась в кресло, но долго в одиночестве не сидела. Прошло буквально несколько минут и дверь открылась. В комнату зашел Винченсо, сразу же будто бы заполняя собой все пространство.

Первым делом, он нашел меня взглядом, а потом захлопнул дверь и провернул ключ в замке. Не скажу, что не испугалась, ведь в этот самый момент у меня создалось впечатление, что меня закрыли в клетке с невероятно голодным и страшным зверем для которого я являлась главным блюдом.

– Надела мой подарок? – спросил, поддевая пальцами галстук. Тут же ослабил и снял его, после чего бросил ненужную вещь на пол.

На мне был большой банный халат и Медичи это явно не нравилось. Это виднелось в его тяжелом, давящем взгляде.

Я ничего не ответила. Просто встала с кресла и сняла с себя халат, под которым оказалось то самое нижнее белье. Оно действительно было очень откровенным. Я бы даже сказала, что развратным. Я такое сама не купила бы.

Его взгляд ощутила на физическом уровне, ведь кожа горела в тех местах, по которым скользили черные зрачки. Невыносимо сильно захотелось прикрыться, чтобы не дать Медичи сожрать меня взглядом, но я сдержалась. Вместо этого немного отвернулась, но все же боковым зрением заметила так быстро появившийся бугор в его штанах.

Когда Винченсо всего лишь парой шагов преодолел разделяющее нас расстояние, я вздрогнула, но отстраняться не встала. Лишь высоко подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Было немного неуютно от того, что он одет полностью, а на мне лишь нижнее белье.

Медичи наклонился и, губами коснувшись моего уха, сказал:

– Appetitно выглядишь, Мелкая. Так и хочется тебя отодрать, – он положил руку на мою талию и резко протянул к себе. – В принципе, этим я сейчас и займусь.

Глубокий вдох и шумный выдох. Меня буквально разрывало изнутри от понимания того, что моя близость с Медичи уже неизбежна. В который раз я мысленно пообещала себе, что перетерплю и попытаюсь хоть немного утихомирить свою ненависть, которая подталкивала меня к сопротивлению. Нет, не сегодня. Сейчас я девочка послушная. Хоть и злая внутри.

Винченсо подхватил меня под бедра и поднял над полом, после чего сел в кресло и усадил к себе на колени, так, что теперь мы были лицом к лицу. Вызывая бешенное покалывание, он ощутимо провел шершавыми ладонями по моим ногам от коленок до попы.

– Мелкая, мне крышу срывает от твоих ног, – он дернул меня на себя, так что я потерлась лонем о его член и внизу живота, неожиданно, тут же все полыхнуло, словно от разряда тока, из-за чего я попыталась приподняться, но Винченсо тут же усадил меня обратно. – Раздвинешь их сегодня для меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/yudina_ekaterina/podonok-ty-budesh-dumat-chto-menya-bol-she-net-kniga-2

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)